

Период распада

Александр Афанасьев

Период распада

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Период распада / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2011 — (Период распада)

Говорят, с крахом коммунистической системы наш мир стал спокойнее и безопаснее и Третья мировая война попросту невозможна. А помните кровавый штурм Грозного в канун 95-го? Натовские бомбардировщики в небе над Белградом в 99-м? Взрывы башен-близнецов 11 сентября 2001-го? Американские танки, догорающие в иракской пустыне? Это были только цветочки. Настоящая беда – еще впереди, и никто не останется в стороне. Маятник возвращается, и распад одной сверхдержавы неминуемо ударит по другой. Итак, добро пожаловать в светлое будущее. 2014 год. Гусеницы натовских танков грохочут по улицам Одессы, «серые волки» готовят переворот в Турции, израильтяне – вторжение в Иран, а остальной мир пытается сделать вид, что все это его не касается. Как выяснилось, зря...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	53
-----------------------------------	----

Александр Афанасьев

Период распада

Автор предупреждает, что данная книга относится к жанру фантастики и все действия, события и персонажи являются вымышленными

*Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач.
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью.*

Федор Тютчев

*Побежденным может считаться лишь тот,
Кто признал себя побежденным.*

Ганс-Ульрих Рудель

*Когда кончается сила сильных,
Начинается сила отчаянных. Так было,
Так есть,
Так будет.*

Автор

Сейчас, после бед и мучений мирового кризиса, который то и дело прорывается рецидивами – как выбросы лавы из-под только-только схватившейся каменной корки, – мы все чаще оглядываемся назад. Пытаемся вспомнить, когда же нам было хорошо в этом мире. Пытаемся поднять парус воспоминаний и уплыть в те времена на уютной, уже давшей обильную течь лодке иллюзий...

Девяностые...

Кто-то и впрямь вспоминает те годы, как десятилетие прогресса. Десятилетие роста. Десятилетие относительного мирового покоя.

Трудно представить себе большее заблуждение.

Начали распадаться державы, в том числе великие – Союз Советских Социалистических Республик. Начала распадаться система безопасности, система сдержек и противовесов, не дававшая прорваться наружу настоящей беде. Многие считали, что настоящая беда – это танки на улицах Праги в шестьдесят восьмом, и не знали, что настоящая – это бомбардировщики НАТО над Белградом в девяносто девятом. Да и это так, не беда – это полбеды. Настоящей беды еще не было.

Тогда, освободившись от старого мира, от гнетущих к земле оков, люди начали разбрасывать камни. Много, очень много камней. Почему-то всем показалось, что наступает эра всеобщего благоденствия – а потому большие и сильные государства не нужны, они должны вымереть, как мастодонты, уступив место маленьким, где все свои и в которых не надо мириться с соседом, который не такой, как ты. Начался новый исторический период – период распада.

Сейчас, на пороге новых, невиданно страшных времен – нам в спину летят, летят камни, брошенные в девяностые. Летят, стараясь больнее ударить нас, столкнуть в пропасть, откуда нет возврата.

Автор предупреждает: все события, факты, названия лиц и организаций, намерения, действия и поступки полностью вымышлены автором, даже если они и совпадают с реальными названиями и именами. Возможные совпадения – не более чем случайность.

* * *

15 февраля 2014 года

База-8 ВВС Израиля

Эскадрилья 69

Подполковник ВВС Израиля Иеремия Эгец

Все пошло не так еще с утра.

Опоздал Давид. Проклятый мальчишка, пацан, так и не повзрослевший за все время службы, он опять опоздал. В ВВС Израиля были довольно демократичные порядки: сама страна была маленькой, этакий прямоугольник пятьсот километров в длину, пятьдесят в ширину. До самого отдаленного уголка Израиля можно было добраться на машине за пару часов. А потому, если не объявлялось казарменное положение, летчики уходили на ночь домой, не оставались в казармах. Давид снимал комнату в Тель-Аливе, он был из богатой семьи и мог позволить себе такую роскошь. На ночь он просто уезжал на своей проклятой «Ямахе» в город и большее количество ночей проводил отнюдь не дома. А потом появлялся на базе не вовремя, да еще и снулый, как полежавшая на жаре рыба. Всю первую половину дня он шлялся по базе как неприкаянный, пил литрами кофе и пытался прийти в себя. Только после обеда от него можно было чего-то добиться. И это – офицер ВВС страны!

Вообще-то подполковник давно бы выкинул его из эскадрильи, если бы не одно «но». Когда они проходили переподготовку на Раамы¹, из всей эскадрильи только Давид получил высший балл от инструкторов ВВС США. Со своей машиной он мог делать в воздухе все, что угодно, она буквально танцевала – и ведь это был не легкий «Кфир», на котором и сам подполковник кому угодно дал бы фору. Это был тяжелый двухдвигательный истребитель-бомбардировщик, берущий до одиннадцати тонн боевой нагрузки, с очень мощными двигателями и хорошими скоростными характеристиками – но посредственной управляемостью. Сам подполковник знал, что такое настоящая управляемость. Еще желторотым пацаном он сражался на «Кфире» с летчиками сирийских ВВС, по какому-то странному стечению обстоятельств в эфире говорящими на том же языке, на котором говорил его механик, совершивший алию² несколько лет назад. В тех жестоких боях над пустыней они сначала сражались на собственных «Кфирах» – машинах немного устаревших, но сделанных по схеме «утка» на базе французского «Миража» и имеющих потрясающую скорость разворота. Пересев из-за потерь на F-16, новые американские «летающие гробы», в первом же вылете их эскадрилья потеряла двоих. Да, подполковник знал, что такое маневренность, что такое хороший самолет и что такое хороший летчик. Потому-то и терпел этого раздолбая Давида, воздушного кудесника из Хеврона. Но как-то наказать все равно надо.

– Песах... – мрачно сказал он, смотря на мгновенно втянувшего голову в плечи штурмана-оператора второго экипажа, – где твой пилот? Я не вижу его.

– Ну...

---

¹ Раам, Гром – F-15I Israel, специальная израильская модификация F-15 strike eagle.

² Совершить алию – то есть эмигрировать в Израиль.

– Без «ну». Ты один сегодня летать будешь? А?

– Вообще-то он звонил и говорил, что немного задержится.

– Немного? – подполковник глянул на часы, старые чешские летные часы «Прим Тигер», оставшиеся от отца. – Он уже два часа как должен сидеть здесь, в комнате инструктажа. Два часа – это, по-твоему, немного? Сколько пролетит наш самолет с полной загрузкой за два часа?

– Так далеко, что без дозаправки грохнется! – лихо ответил кто-то.

– Вот именно. Так далеко, что без дозаправки и в самом деле – того... Может, и наш Давид забыл дозаправиться? А?

– Скорее это он кого-то крепко дозаправил ночью... – пошутил кто-то и наткнулся на взгляд подполковника, яснее ясного говорящий, что ему не до шуток.

– Звони ему на сотовый. Я хочу видеть его здесь не далее чем через полчаса. Звони немедленно, Песах.

Истошный вой «Ямахи» – на ней стояли прямоточные глушители, издававшие примерно такие же звуки, какие издают грешники в аду, – возвестил всех о том, что виновник переполоха изволил-таки прибыть на базу.

– А вот и он. Давайте, подождем...

С этими словами подполковник встал около доски, на которой маркером был написан, но не до конца план боевой учебы на сегодня, и застыл в ожидании.

Виновник торжества появился на удивление быстро – Давид Абрамсон обожал скорость, он просто не мог передвигаться по поверхности этой планеты медленно, и когда он не летел на своем «Рааме» по воздуху или «Ямахе» на земле – он передвигался полшагом, полубегом, на удивление быстро лавируя между препятствиями и никогда никого не задевая. Не постучавшись, он ворвался в аудиторию, держа мотоциклетный шлем в руке, и его светлые, не по уставу длинные волосы были в совершеннейшем беспорядке.

– Извините... – начал он, протискиваясь на свое место.

– Капитан Абрамсон, ты³ считаешь, что «извините» будет достаточно? Может, объяснишь, почему ты явился на службу с двухчасовым опозданием? Хотя бы своему штурману?

– Да он знает. А что у нас делает вертолет командующего?

– Какой вертолет командующего? – помрачнел подполковник. – Ты о чем?

– Ну, вертолет командующего. Я видел, как он приземлялся на дальней стоянке, я только в ворота въехал. Потому и торопился.

Подполковник достал носовой платок – каждое утро Рут заботливо клала ему выстиранный, больше двадцати лет каждый день она собирала его на службу. Вытер лицо, вспотевший лоб.

– Заниматься самоподготовкой. Я сейчас вернусь.

Конечно же, пилоты шестьдесят девятой эскадрильи ВВС Израиля, самого мощного ударного соединения региона, самоподготовкой заниматься не стали. Вместо этого они сгрудили стулья вокруг стула капитана Абрамсона и начали слушать одну из его многочисленных историй, относительно которых сразу и не понять было – правда это или нет. Правда или нет – но рассказывал Абрамсон красиво...

Подполковник пробежал по коридору, задержавшись только перед зеркалом. Вместо формы на нем был старый летный комбинезон, в котором он расхаживал по базе, лазал с механиками по самолетам, не боясь что-то порвать или испачкать. Комбинезон был не в самом лучшем виде – но это была форма боевого летчика, занятого делом. Его эскадрилья нечасто участвовала в непосредственных боевых действиях, каждый вылет «Раама» обходился дорого, как по горючему, так и по моторесурсу, да и не было рядом таких целей, ради которых стоило

---

³ В Израиле все обращаются друг к другу на ты, даже солдат к генералу.

поднимать в воздух их шестьдесят девятую. Последний раз они поднимались в воздух «по боевому», когда обеспечивали «Расплавленный свинец», а сейчас подполковник внутренне готовился к кое-чему другому. Последний раз ему намекнули об этом в штабе ВВС в Тель-Авиве – и с тех пор он вечерами сидел над картой, вычерчивая маршруты, пытаясь прикинуть, где их могут ждать комплексы ПВО, и отчетливо понимая, что все не предусмотреть и что для кого-то из его парней это будет полет в один конец. Он гнал от себя эту мысль, но она никак не уходила.

Гости были уже на первом этаже, всех он знал. Увидев быстро спускающегося по лестнице Эгеца, вперед выступил командующий ВВС Израиля, генерал-майор Амос Ядлин, бывший начальник военной разведки Израиля, боевой летчик, участвовавший в операции по уничтожению иракского атомного центра в Осираке.

– Да? – просто спросил его подполковник.

– Да, – ответил генерал Ядлин, – да...

Одним из неоспоримых преимуществ израильской армии была простота взаимоотношений, причем не только между офицерами, но и между офицерами и солдатами. Здесь генерал мог знать в лицо и по имени отдельного солдата, а солдат мог обращаться к нему на ты и что-то обсуждать. Здесь при подготовке операций собирались все офицеры и без церемоний высказывали свои мнения на то, как лучше осуществить ту или иную задуманную операцию, и никто не вел себя по принципу «ты начальник – я дурак». Здесь взяли все лучшее от американской армии, которая помогала ЦАХАЛу с самого его становления, и от советской – потому что в Израиле было много евреев, совершивших алию из Советского Союза и служивших в Советской армии. Например, из тех офицеров, что прибыли с генералом Ядлином, один отслужил в ВВС США, один – в советских ВВС, причем он имел реальный боевой опыт, два срока проведя в Афганистане. Третий был уволен из Советской армии в чине подполковника после пролета Руста и являлся на момент отставки старшим оперативным офицером одной из приграничных дивизий войск ПВО СССР. Сейчас он докладывал оперативную обстановку в зоне проведения операции, получившей годовое название «Гнев Господа». На столе лежали карты и спутниковые снимки региона и отдельно – целей для удара.

– Прежде чем приступать конкретно к обозначенным целям и состоянию их ПВО, позволю себе дать вводную информацию о состоянии ПВО Ирана и используемых им вооружениях. Система ПВО Ирана в оперативном значении делится на армейскую и стратегическую, причем стратегическая, интересная нам в максимальной степени, имеет только одну задачу – противовоздушное прикрытие основных центров производства оружия массового поражения. Формально ПВО подчинена ВВС армии, ей командует заместитель командующего ВВС армии – командующий ПВО в звании генерал-полковника. В целом Иран воспринял советскую схему построения ПВО страны – существуют главный оперативный штаб ПВО с основным залом боевого управления в Тегеране и зональные центры ПВО. Наиболее важные, стратегические объекты прикрывают собственные части ПВО, имеющие отдельный штаб с залом боевого управления и прямым выходом на главный оперативный штаб. Мы считаем, что в случае атаки главного оперативного штаба, система сможет управляться с оперативных, зональных и объектовых штабов, уничтожение главного штаба не приведет к потере управляемости всей системы.

Основной центр ПВО, как я уже сказал, расположен в Тегеране, дальше идут четыре оперативных района, оперативные районы делятся на шестнадцать оперативных групп ПВО как зональных, так и объектовых. В одиннадцатом году завершено внедрение в полном объеме системы автоматизированного боевого управления применения частей ВВС и ПВО. Всего ПВО Ирана на данный момент состоит из 22 радиолокационных постов, 26 зенитных ракетных дивизионов, 10 зенитных ракетно-артиллерийских дивизионов и 7 зенитных артиллерий-

ских дивизионов⁴. Мы считаем, что как минимум два зенитно-ракетных дивизиона, прикрывающих Тегеран и находящийся в нем центр ядерных исследований, а также объект в Бушере с одним введенным в эксплуатацию и двумя строящимися атомными реакторами, имеют на вооружении зенитно-ракетные комплексы типа С-300 ПМУ-2, проданные Россией нелегально при посредничестве одного из словацких специализированных предприятий. Кроме того, мы считаем, что на 2015–2016 годы запланирована сделка по продаже еще как минимум двух полных дивизионов С-300 ПМУ-2, а также идут переговоры о продаже в 2017–2020 годах от четырех до шести дивизионов зенитно-ракетного комплекса С-400. Мы считаем наиболее опасным для атакующих самолетов Бушерский узел ПВО, как наиболее мощный и насыщенный самыми разными средствами поражения, в том числе комплексами С-300. По дальности действия С-300 перекрывают Персидский залив в этом месте на всю его ширину.

Помимо этого на вооружении Ирана состоят как минимум два полных батальонных комплекта ЗРК типа HQ-9 производства Китая и как минимум три полных батальонных комплекта ЗРК типа Iran-300 производства Ирана. Все эти комплексы способны вести огонь как ракетами собственного производства, так и закупленными в России ракетами серии Р-300. Военные аналитики главного штаба оценивают боевые возможности китайского и иранского ракетных комплексов дальнего действия примерно в семьдесят процентов от российского.

Таким образом, при военно-воздушной операции перед нами будет стоять задача подавить как минимум семь современных дивизионов ракет дальнего действия, не считая стационарных комплексов SA-5, также прикрывающих объект в Бушере. Для подавления системы ПВО такого уровня нам придется выделить как минимум две полные эскадрильи только на эту задачу.

Помимо этого на вооружении Ирана стоят как минимум тридцать мобильных ЗРК типа Тор-М1, к ним имеется до тысячи двухсот ракет типа 9М331. Эти ракетные комплексы ближнего и среднего радиуса действия призваны стать основными центрами противодействия в случае массированной атаки крылатыми ракетами типа «Томагавк».

Помимо этого на вооружении ПВО Ирана имеется от двенадцати до шестнадцати полных дивизионов ЗРК Хок/усовершенствованный Хок лицензионного производства Китая, от восьми до десяти дивизионов SA-2 Guideline, также китайского производства, по несколько пусковых установок ЗРК «Рапира», «Тайгеркэт», SA-6 «Gainful» – ЗРК «Квадрат» и FM-80, лицензионный французский «Кроталь» производства Китая. В составе сухопутных сил имеется как минимум одна тысяча переносных зенитно-ракетных комплексов, в том числе до пятидесяти – типа «Стингер».

Зенитная артиллерия включает в себя более тысячи огневых установок, в том числе сто современных типа Skyguard, автоматизированно управляющихся с радарных постов. Кроме того, на вооружении ПВО Ирана состоят семьдесят пять комплексов типа «Зевс-4»⁵, около трехсот «Зевс-2», пятьдесят «Бифорсов», восемьдесят устаревших советских ЗСУ 57-2, сто девяносто С-60. На вооружение приняты также ЗУ собственной разработки: стомиллиметровая советская КС-19, переделанная под магазинное питание, шестиствольная ЗУ-23-6 и восьмиствольная ЗУ-23-8, по мощи огня не уступающие системе «Вулкан-фаланкс», шестиствольная зенитная установка производства Северной Кореи, питающаяся тридцатимиллиметровыми снарядами от советской боевой машины пехоты и управляемая собственным радаром.

Силы ВВС Ирана в основном сконцентрированы у западной границы страны, базируются на аэродромы Чах Бахар, Бендер Аббас, Абу Мусса, Шираз, Бушер, Харг, Ахаджари, Ахваз, Хоремшахр, Дезфул, Керманшах, Исфахан, Хомадан, Мехрабад, Тегеран-Махабад. Из них особо опасны те, на которых базируются «Фалкрамы» и F-14, – это Тегеран-Мехрабад,

⁴ Прим. автора – немного усилено по сравнению с текущим моментом, но немного.

⁵ ЗСУ-23-4 – «Шилка» по классификации НАТО.

Бушер, Шираз, Исфахан. Наличие сил истребительной и противовоздушной авиации Ирана составляют сорок истребителей типа «Фалкрам»⁶, все из которых прошли модернизацию с участием российских специалистов, а десять из них оснащены системой дозаправки в воздухе, около двадцати боеспособных F-14, прошедших капитальный ремонт и модернизацию, установлены российские двигатели и авионика, вместо ракет типа «Феникс» установлены иранские «Сиджил» с дальностью действия шестьдесят километров и, возможно, российские АА-10 «Аламо». К менее ценным относятся около сорока боеспособных F-4 «Фантом», прошедших модернизацию радарного оборудования, – установлена русская РЛС «Жук» и не менее пятидесяти F-5, включая местные разработки на его базе – Шафах, Саег и Азарахш. Все эти самолеты оснащены РЛС русского производства, частично – российскими или прошедшими капитальный ремонт в России двигателями и способны нести ракеты типа АА-10 «Аламо» и АА-11 «Арчер», а также их китайские аналоги. Разведка полагает, что боевая ценность этих машин составляет от шестидесяти до восьмидесяти процентов ценности Фалкрама в зависимости от модификации.

Кроме того, на вооружении авиации Корпуса стражей исламской революции находится неустановленное число F-5 и около тридцати F-7 – лицензионных китайских Миг-21.

Данный авиапарк может производить дозаправку в воздухе с двух самолетов типа Ил-78 и четырех – типа Б-707. Иран также владеет двумя самолетами АВАКС на базе Ил-76 – устаревшим и находящимся в плохом состоянии «Багдад-1», полученным от Хусейна, и более современным, закупленным в России радаром типа А-50 – он называется Аднан. По некоторым данным, «Багдад-1» потерпел катастрофу, но был либо полностью восстановлен, либо заменен аналогичным самолетом на базе Ил-76, закупленным либо у России, либо у Китая. Также ВВС Ирана владеют как минимум двумя легкими самолетами АВАКС типа Иран-140, базирующимися на базе пассажирских лайнеров типа Ан-140. Электронная начинка закуплена в Бразилии.

Подполковник Эгец попытался прикинуть расчет сил и средств, необходимых для того, чтобы пробить столь плотную и насыщенную систему ПВО побережья, особенно ее бушерский позиционный район. Получалось, что для гарантированного подавления нужно не менее четырех полных эскадрилий, включая те, что будут нести противорадиолокационные ракеты, и те, которые будут прикрывать ударную группу от истребителей ПВО Ирана. Гораздо лучше, если будет возможность вывести из строя заранее часть радаров и самолеты АВАКС. Если АВАКСы поднимутся в воздух – это приведет к значительным потерям в ударной группе и серьезно облегчит выполнение задачи иранским летчикам ПВО. Это нужно будет делать силами диверсионных групп – спецназа или внутренних противников режима. Кроме того – в зависимости от поставленных задач по уничтожению наземных объектов. Здесь не справиться одной их эскадрилье, несмотря даже на возможности их F-15. Они просто не смогут поднять все средства поражения, учитывая, что цели нужно будет поражать высокоточными ракетами «воздух – земля».

Про то, какого количества самолетов они недосчитаются в ходе этого блица, – не хотелось даже и думать.

– Теперь относительно целей. Их несколько. Основные – это подземный атомный комплекс в Натанце, военного назначения, центры ядерных технологий в Тегеране и Исфахане, ракетный центр в Тебризе, объекты в Керендже, в городе Йезд, под Казвином, в Бонабе, Фасе, Даррхховине. Вторая группа целей – это заводы по производству ракет и компонентов ракет, в том числе места их базирования – основной куст таких производств и баз расположен в Северном Иране. Третья группа целей – это заводы по производству химического и бактериологического оружия. Все это мы должны разгромить за один удар, быстро и эффективно.

---

⁶ Миг-29.

Последние слова подполковнику не понравились. Очень.

– У меня вопрос, – сказал он, – что значит разгромить за один удар? Вы имеете в виду, что со всем списком целей нужно будет покончить за один раз, при этом еще и прорвав плотную стену противовоздушной обороны?

– Именно, – ответил за полковника генерал Ядлин, – именно это мы и намерены сделать. Как считаешь, сможем?

– Нет, – категорически ответил Эгец.

– Почему? – прищурился генерал.

– Потому что это не детские игры. Господи, это даже не Ирак в девяносто первом. Здесь как минимум семь полных дивизионов ракет ПВО среднего радиуса действия. Мобильных ракетных систем! Сколько из них уцелеет при первом ударе? Мои птицы при полной загрузке не отличаются особой верткостью и уйти от ракет не смогут. Нужно будет подавить ракетные позиции, уничтожить аэродромы и желательно технику на них, нужно будет уничтожить АВАКСы и только после этого приступить к бомбежкам целей. И все это вы хотите провернуть за один налет?!

– Точно! – Генерал чему-то улыбался.

– Это безумие. Для этого нужно будет применить все ВВС страны – и то за один раз не справимся. Более того – я не исключаю такого развития событий, что к концу операции ВВС Израиля из-за тяжелых потерь будут просто небоеспособны. Американцам хорошо, у них двенадцать полных эскадрилий истребителей-бомбардировщиков только на авианосцах, и они производят самолеты... кстати, я не вижу никого из американцев...

– Их не будет, – отрезал генерал-майор Ядлин.

– То есть?

– Ты понял. Американцев не будет. Американцы не участвуют.

Подполковник не поверил своим ушам:

– То есть мы должны справиться с Ираном только теми силами, какие у нас есть, и только за один вылет?

– Точно. Именно это мы и должны сделать, Иеремия, и ты это сможешь сделать, как никто другой в ВВС.

– Я не волшебник. Не хватит сил.

– Для Фебы хватило...

– Не стоит сравнивать. Там был ограниченный позиционный район. Да, сильно укрепленный, да, там была достигнута максимальная концентрация средств ПВО из всех случаев, с которыми я когда-либо сталкивался. Но все же это была ограниченная территория, и только одна цель. Здесь нам предстоит иметь дело с целой страной, которая только и готовится к этому. Кроме того, я был молодым безбашенным психом на Кфире – мы все, черт возьми, были молодыми психами, которым все равно когда умереть – завтра или сегодня. Сейчас я повзрослел. Надеюсь, что и поумнел. Очень на это надеюсь.

– Они готовятся к удару от США. От нас они удара не ждут.

– И какая разница?! Кстати – американцы дадут нам разрешение на пролет над территорией Ирака и над Заливом? Или нам придется скрываться и от них тоже?

– Нет. Они закроют глаза – но это все. Даже целеуказания они нам выдавать не будут.

– Это радует.

В кабинете повисло молчание, подполковник смотрел во все глаза на офицеров, надеясь уловить хотя бы намек на то, что это все шутка. Он даже вспомнил, когда его день рождения – мелькнула мысль, что это какой-то дикий розыгрыш. Но нет, день рождения подполковника Эгеца был в ноябре.

– А нужно ли нам лететь через Залив? – вдруг спросил Ядлин.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь... – Ядлин снова улыбнулся, – когда я думаю об американцах, мне на ум всегда приходит определение – «слон в посудной лавке». Они так и не выводят до конца свой контингент из Ирака, оставляя там непонятно для чего его авиационную составляющую. У них постоянно в Персидском заливе крейсирует авианосная группа, и как минимум еще одна находится в Средиземном море. Их аналитики то и дело заговаривают о том, что надо наконец разобраться с Ираном. И когда я смотрю на спутниковые снимки, я вижу там только одно. Иран отгородился от американцев в Ираке и Заливе щитом. Но ведь щит может защитить только с одной стороны, не так ли?

Щит может защитить только с одной стороны...

– Какова моя задача?

– Ты теперь оперативный координатор и начальник временного штаба операции «Гнев Господа». Как минимум – полковник, а то и генерал. При необходимости тебе будут предоставлены все ресурсы, какими располагает государство Израиль. Эта комната теперь – оперативный штаб, и все, что здесь говорится, – здесь же и должно умирать. Тебе в помощь я оставляю одного из офицеров, он большой специалист по системам ПВО и поможет тебе в разработке плана операции.

Тот офицер, что докладывал о состоянии иранской системы ПВО, молча привстал со своего стула...

– Поскольку он не представился – представлю его я. Мы его зовем Миша, и он не любит долгих разговоров. Он специалист по системам ПВО, его учили в Советском Союзе, и он имеет большой практический опыт. ПВО Ирана строится по советским тактическим схемам и во многом состоит из советских компонентов. Думаю, вдвоем вы больше добьетесь, чем ты в одиночку.

– Сколько времени мне дается на разработку первичного плана?

– Скажем так... Через неделю я снова буду в этих местах.

* * *

Ретроспектива

27 февраля 1988 года

Азербайджанская ССР, город Сумгаит

Полковник Службы национальной безопасности Армении Гагик Бабаян

Оперативная группа «Раздан-1»

Все в человеческой жизни имеет свое начало и свой конец. Любовь, ненависть, сама жизнь – все имеет начало, и все когда-то будет иметь конец. Он не знал, когда ему суждено встретить свой конец, он надеялся только, что встретит его достойно, как подобает мужчине.

Но начало он помнил. Не мог забыть...

Было страшно. Для него, тринадцатилетнего пацана, ничего еще толком не понимающего, было страшно вдвойне. И еще страшнее было оттого, что он видел, как боится отец. Его отец, силач из силачей, на спор легко поднимающий на плечи два больших мешка с цементом, – боялся. Он старался не показывать этого, чтобы не заметила мама – но он боялся. И Гагик – тогда у него была еще другая фамилия, родная, не Бабаян – от вида того, как боится отец, боялся еще больше...

Это был Советский Союз. Закавказье.

Были последние дни зимы одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

Високосный февраль. Месяц с днем, который бывает один раз в четыре года. Днем беды...

В школу сегодня его уже не пустили после того, что произошло два дня назад. Какая школа, когда на улицах творится такое. Несмотря на запрет матери, Гагик наблюдал за происходящим, лег на балконе, чтобы его не было видно с улицы, и наблюдал. Они жили на четвертом этаже, и с высоты балкона было хорошо видно, как улицей от школы прошла толпа. Когда она шла в сторону школы полчаса назад, она была меньше раза в два – значит, все старшеклассники присоединились к погромщикам. В школе вскрыли старую кладовку, там лежали всякие ненужные, не требующие к себе постоянного доступа вещи, и вытащили оттуда транспаранты, с которыми они ходили всей школой на Первомайские и ноябрьские праздники. Когда-то давно, когда людей еще не охватил кровавый морок безумия, Гагик, вместе со своим одноклассником Мухой, Мухаджиевым Али, и другими ребятами из пионерской организации старательно делали эти плакаты. Одни тщательно шкурили шесты, на которые потом надо будет повесить транспарант – обычно их делали в школьном кабинете труда на токарных станках, но тут требовались шесты намного длиннее, и их Алла Владимировна привезла из РОНО. Шесты были обработаны грубо, и их надо было ошкурить как следует, чтобы они были гладкими, – этим занимались мальчишки. А девочки тем временем, по заранее проведенным мелом контурам старательно закрашивали белым участки красного полотнища, расстеленного на полу спортзала. Каждый мазок кистью нужно было тщательно обдумать, чтобы не сделать криво и не капнуть краской на полотнище – потом не сотрешь. Мазки сливались в буквы. Буквы сливались в слова. Слова сливались в чеканную медь лозунгов.

Учение Ленина бессмертно, потому что оно верно.

Сейчас те, кто вскрыл кладовку и достал эти транспаранты, не стали утруждать себя нанесением контура для того, чтобы слова получились красивыми и правильными. Прямо поверх того лозунга, что писали они, большими, жирными, размашистыми буквами было намарано. Нагажено...

Смерть армянам!

Среди тех, кто шел под этим транспарантом, Гагик заметил своих, пацанов из своего класса. Значит, вчерашнее не было случайностью, они – с этими. Все они – с этими. Все они хотят убить его, папу, маму, сестренку. Все!

Он знал, что в стране, в республике беспокойно, но не понимал – почему. Он знал, что отец стал чаще хмуриться и почему-то мать каждый раз, отправляя его в школу, наказывала после уроков нигде не задерживаться и немедленно возвращаться домой. Он знал, что после уроков его если и выпускают погулять из дома-то только ненадолго и чтобы обязательно во дворе был кто-то из взрослых. Он знал, что один из заводил всяческих безобразий в его дворе, Муслим, вчера громогласно объявил, что собирает команду бить армян. Это не было воспринято как шутка, обычно азербайджанские и армянские пацаны играли все же врозь, у каждого были свои компании, но когда во двор приходили чужие, все они объединялись и гнали чужаков вон. Взрослые быстро развели их и увели домой, Гагик не понял, что это с Муслимом – и утром пошел в школу. Скоро должны были быть каникулы, отдохновение после самой длинной, тяжелой в учебном году третьей четверти. Он не знал еще, что каникул у него не будет.

Началось все после уроков. Уроков сегодня было всего три, почему-то отменили сразу и физику и литературу. Они не знали, что уроки отменяют – просто в класс пришла классная училка и сказала, что уроков сегодня не будет и всем надо расходиться по домам. Они обрадовались – как обычно радуются пацаны отмене уроков, вряд ли в мире есть хоть один пацан этого возраста, который расстроится при отмене уроков. Они пробежали на первый этаж, раздевалка тогда еще была общей, раздевальщица, как всегда, болела, и нужно было просто забежать в раздевалку, взять свои вещи и повесить на их место номерок. Гагик так и сделал – он с ходу узнал свою куртку, висящую в дальнем углу, схватил ее с вешалки и...

Пальцы его ощутили что-то мокрое. Липкое. Неприятное.

Гагик подошел к окну – портфель он оставил там, где висела куртка, посмотрел куртку на свет – и обомлел.

Вся куртка была оплевана. Вся спина. Вся целиком, тут не мог потрудиться какой-нибудь один хулиган. Если бы тут было два-три харчка – он бы знал, с кого за это спросить. И он мог это спросить – как и отец, Гагик был боксером и даже выступал на первенстве города среди юниоров. Но тут этих плевков было столько, что заплевана была вся куртка, чтобы такое сделать, нужно было человек десять. Сам Гагик не мог бы плюнуть больше пяти раз – просто не хватило бы слюны.

Стало мерзко. Просто захотелось бросить куртку здесь и идти домой так, но мама и отец работали, чтобы купить ему эту вещь, и так было делать нельзя. Скривившись от отвращения, Гагик начал оттирать спину от плевков о подоконник. Надел куртку, повернулся – в раздевалке уже никого не было, а по клапану истрепанного портфеля из кожзама медленно сползала вниз жирная, водянистая слюна...

– Эй, армян!

Гагик резко повернулся – вот они! Сейчас он им...

Их было человек двадцать, но даже стольких он не боялся. Папа объяснил ему, что бояться стыдно, а тренер рассказал – и показал, что только бесстрашие может привести к победе. На ринг он выходил против соперника тяжелее на пятнадцать килограммов – и одержал победу, причем победу ценную – нокаутом. А тут... хоть и двадцать, а шваль швалью. И, конечно же... Алька, Али Мухаджиев из его класса. Низенький, верткий, уже курящий, с нетипичными для азербайджанца, совершенно русскими, водянистыми серыми глазами. У него вечно было много слюны, и он любил плевать – с первого класса и, несмотря на то что неоднократно был за это бит, не прекращал свои выходки. У Али за убийство сидел старший брат – и он этим жизненным обстоятельством очень гордился...

Гагик бросил портфель так, чтобы он лег у стены. Спокойной, танцующей походкой направился к ждущим его толпой пацанам. Один понял, шагнул навстречу здоровенный увальень, но и не таких валили...

И раз! Хрястнув челюстью, здоровяк повалился с ног. «Под себя» – так они это называли, когда человека внезапно перестают держать ноги и он падает не вперед или назад, а на месте и уже без сознания. Для этого нужно знать особые удары, один из них только что выполнил Гагик – впренос, боковой по самому кончику подбородка, правильно выполненный, он ведет к гарантированному сотрясению мозга. Конечно, за такое можно и в милицию попасть – но не тогда, когда ты один, а их двадцать.

И два! Левый получился не таким хорошим – не хватило замаха, но и так хорошо, не до потери сознания, но еще один, верзила из девятого, которого эти шпаненыши взяли с собой для поддержки, что-то крикнув на азербайджанском, рухнул на спину, сбив с ног еще одного и помешав как минимум троим.

И три! Вместо того чтобы отпрыгнуть, Гагик прыгнул вперед и нанес прямой правой еще одному, прямо в неприкрытое «солнышко». Он свалил уже троих, один валяется, один пытается встать, третий согнулся, шипя от боли, а ему ни разу и не прилетело толком. Хорошо!

И четыре!

Нанося еще один удар, запрещенный, круговой, он вдруг почувствовал, как холодом обожгло бок. Недоумевая, он отпрыгнул, встал в защитную стойку, чувствуя, как постепенно, волнами начинает нахлестывать боль.

– В-вы что?! Вы что творите, паразиты?!

Кричал трудовик, появившийся со стороны школы. Павел Павлович, русский, старый, но еще крепкий дед. Он уже был на пенсии, но преподавал труд, потому что другого трудовика на такую зарплату никак не могли найти. А Павел Павлович, у которого уже выросли внуки,

прошедший пацаном войну ветеран – ему и в радость было повозиться с неразумными, хулиганистыми пацанами, наставляя их на истинный путь. Сумгаит был не слишком-то законопослушным городом, здесь отбывали наказание в виде исправительных работ десять тысяч человек, осужденных всеми судами Закавказья, сюда же часто приезжали арестанты после отбытия наказания. Потому местные пацаны, с детства набравшись во дворах блатной романтики, и сами часто вступали на скользкую, ведущую в пропасть дорожку: были семьи, где отсидели все: прадед, дед, отец. Но удивительным образом получалось так, что Павлу Павловичу удавалось вытаскивать некоторых: так, когда несколько пацанов из школы собрались и начали обсуждать, как им лучше подломить автомат по продаже газированной воды, к ним подошел Павел Павлович – оказалось, что он все слышал. Ветеран достал из кармана мятую десятирублевку, протянул ее пацанам и сказал: «Если нужны деньги – берите. Но не воруйте».

Деньги они не взяли. И автомат подламывать не пошли.

– Вы...

Договорить ветеран не успел – тот же Али-Муха, верткая мразь, которую Гагик так и не достал своей коронкой, скользнул к ветерану, сжимая что-то в кулаке.

– Пал Палыч! – выкрикнул Гагик, но было уже поздно. Болезненно охнув, учитель стал оседать на землю...

И тогда Гагик побежал. Он потом много раз проклинал себя за этот поступок, но тогда он и сам не понял, как это у него получилось. Словно что-то бросило его с места: миг – и он уже бежит к забору школы, бросив у стены портфель. Гулко стучит сердце, мозг до сих пор отказывается поверить в увиденное. А сзади, крича что-то на враз ставшим чужим языке, языке врага – азербайджанском, – мчится, стараясь догнать, не упустить подраненную жертву, пацанская *стая*.

На улице в тот день еще не было такого, что творилось сейчас, поэтому никто его не остановил, азербайджанцы отстали, и ему удалось добежать до дома. Он нашел в себе силы позвонить в дверь только через полчаса – а до этого он сидел под дверью, зажимая рукой исходящую болью рану на боку и не в силах поверить, что это происходит здесь, сейчас и с ним.

Самодельное лезвие скользнуло по ребрам, больно, но ничего страшного. В городе был завод арматуры, и потом самодельных пик и заточек изымут много. Потом даже следователи обратят внимание, что у всех изъятых пик будет одинаковая длина и заводская заточка.

Гагик смотрел на улицу. Безлюдную, пустынную улицу, оживлявшуюся только тогда, когда по ней проходила разъяренная толпа *этих*, с криво намалеванными лозунгами на транспарантах, и организаторы с мегафонами. Вчера Гагик успел увидеть, как перед толпой вели раздетую и избитую девушку – он не знал, что с ней было потом, отец запретил смотреть. Но он знал, что было в их дворе: вчера он рискнул выйти на улицу и сходить за хлебом. Он знал, что вчера по подъездам вечером ходили банды, ломались в квартиры – отец всю ночь спал на матрасе у хлипкой двери, вооружившись топором. Утром Гагик настоял на том, чтобы сходить за хлебом, он понимал, что случись что – и ускользнуть, убежать от разъяренной толпы будет проще ему, не отцу. Отец скрепя сердце согласился. Булочные открывались в девять утра, он выскользнул из дома без пятнадцати девять, чтобы не задерживаться на улице, купить продуктов – и обратно – и не узнал свой двор.

Изъезженные машинами, истоптанные людьми грядки – их каждую весну обихаживала тетя Эмма, сажала цветы, кое-какую зелень – и если кому не хватало зелени, нужно было просто выйти во двор и нарвать. Грядки были огорожены палисадником, который смастерил дядя Вахтанг, во дворе они считались святым местом и даже хулиганистые пацаны не осмеливались их вытоптать – а сейчас палисадник был сломан, а размокшие от зимней сырости грядки были растоптаны и разъезжены сотнями ног и колес. Чуть в стороне стоял старенький белый «Москвич», непонятно чей, вроде целый – но никому не нужный, в нем не было ни единого целого стекла. А в дальнем углу двора, у полуразваленного деревянного сарая *дотлевало что-то*.

Какая-то черная куча, большая, похожая на мусорную – но незаметно отличающаяся, страшная. Несмотря на то что надо было идти за хлебом для семьи – он не знал, что магазин вчера разграбили и сожгли – он как замороженный подошел к этой тлеющей, исходящей черным дымком куче. Тронул ее ногой, осторожно пошерудил, пытаясь понять, что это...

И стремглав бросился домой...

– Папа... – в семье они разговаривали по-русски, мама была наполовину русская, наполовину грузинка, папа армянин, – папа, там...

Отец обхватил его своими ручищами, стараясь защитить от внезапно обезумевшего, сошедшего с рельсов привычной жизни и стремительно мчащегося под откос мира.

– Не надо, Гагик, ты же мужчина... Успокойся.

Заплакала сестренка.

– Папа, *там людей сожгли*.

Сдавленно охнула, держась за кухонный косяк, мать.

– Гагик! Гагик, иди сюда! Дверь закрой!

Время уходить. Время покидать дом, где Гагик родился и вырос. Днем на семейном совете они все решили. Надо прорываться к своим. В Армению. У отца в Ереване жили дальние родственники, на первых порах пристроят. Потом будет проще – люди не без рук, не без головы – найдут, куда приткнуться.

Потом начали собираться – Гагик, чтобы не видеть всего этого, и выполз на балкон. Он не брал в дорогу ничего из своего, мальчишеского. Потому что понимал. Все-все понимал. Мать пыталась что-то собирать, запихивала в хлипкие сумки какую-то утварь, никому не нужное постельное белье из шкафа, отец силой вырвал у нее все это и бросил в туалет, заперев дверь. И тогда мама села рядом с разгромленным шифоньером и заплакала, Лейла села и заплакала рядом с ней, а отец со всей силы шарахнул кулаком в стену так, что пыль посыпалась, и вышел в соседнюю комнату.

Беженцы. Тогда этого слова не было в советском лексиконе. Беженцы. Люди, вынужденные бежать, бросая все. Люди, которых война лишила всего, лишила самой жизни, обрекая на нищее, голодное существование. Беженцы...

– Значит, так. Я бегу первым, постараюсь завести «Москвич». Ты говоришь, что он на колесах?

Гагик не сразу понял, что обращаются к нему.

– Да... вчера на колесах был, папа.

– Тогда ты, мама и Лейла остаетесь в подъезде, пока я не подъеду. Как подъеду – выбегайте из подъезда – и сразу в машину. Гагик, ты охраняешь мать и сестренку, понял?

– Да.

– Если не заведется – пробираемся из города. По дворам, не выходя на улицы. Если что со мной – Гагик, ты должен увести мать и сестру.

– Армен!

– Заткнись!

Гагик впервые слышал, чтобы отец сказал матери это слово.

– Гагик, ты понял меня? Ты должен увести мать и сестру, что бы ни случилось. Ты уже мужчина, я надеюсь на тебя.

– Я понял, папа.

– Что бы ни случилось. Бегите в Армению, там помогут.

– Армен... – всхлипнула мать.

Не отвечая, отец приоткрыл дверь. Потом выскользнул, держа наготове топор, в сгустившийся сумрак. Лампочки в подъезде не горели – все были перебиты.

Темнота накрыла город. Темнота накрыла подъезд. Темнота накрыла квартиру. Темнота поселилась в душах людей, по-хозяйски обосновываясь там.

Отсчитав до ста, Гагик выскользнул за дверь, позвал мать. Торопливо, стараясь не на шуметь, начали спускаться вниз. Подъезд после погрома был тоже незнакомым и страшным – истроганные топором и арматурой двери, темные пятна на стенах, на полу, острые, режущие осколки выбитых стекол под ногами. На втором этаже одна из дверей была выбита, темное пятно дверного проема пугало, исходило запахом горелого.

За окном взревел мотор «Москвича».

– Папа... – пискнула Лейла.

– Тихо!

Мать прижала сестренку к себе.

– Я сейчас.

Гагик выглянул в дверь: удивительно, но ее не снесли с петель во время погрома. Как раз для того, чтобы увидеть, как отец, сумевший завести без ключа «Москвич», развернувшись на грядах тети Эммы, без сигнала подрулил к подъезду.

– Мама, беги...

Бегом, ожидая каждую минуту появления этих, суетно и бестолково погрузились в машину, бывшую когда-то чьей-то, а сейчас ставшую ничьей. На сиденьях похрустывало выбитое ударами арматуры автомобильное стекло. Последним в машину на переднее сиденье рядом с отцом ввалился Гагик.

Отец рванул с места, вырулил со двора в проулок...

– Гагик, смотри по сторонам... Бак полный...

Полный бак – это удивительно. Должны были слить – для бутылок с «коктейлем Молотова» и просто – для поджогов. Видимо, за кем-то погнались, кто ехал в этой машине, – и забыли про саму машину.

Проулок. Еще один. Отец избегал основных улиц, они примерно знали, в каких кварталах могли быть погромщики, и ехали сейчас в противоположную сторону. Мертво щерясь темными провалами окон, город провожал их, бегущих от беды...

Не удалось...

Толпа была сразу за поворотом – за ревом мотора отец вовремя не услышал их. Человек сто, некоторые с факелами, все – с арматурой. Факелы давали слабый, неверный, неспособный разогнать сгустившуюся тьму свет, и в качающихся отблесках пламени можно было разглядеть поистине страшные вещи.

Опьяневшие от анаши и крови бесы развлекались как хотели. Чуть в стороне уткнулась бампером в ствол дерева разбитая белая «Волга», на капоте ее, под одобрительные крики сорочичей один из бесов терзал женщину. Вторая группа скопилась около кювета – там несколько бесов, окружив лежащих на асфальте людей, видимо, остальных, кто не сумел проехать и был вытаскен из «Волги», – с размаха тыкали в них лезвиями штыковых лопат. От выпитого, от анаши, от крови их колыхало, они что-то орали, матерились на своем языке, сильных ударов не получалось – но они били и били, сменяя один другого, медленно и мучительно добивая тех, кто еще несколько дней назад жил бок о бок с ними. И все это действо, inferнальное по сути своей: качающийся свет факелов, мелькающие тени бесов, их звериный танец с лопатами, исполненный ненависти и нечеловеческой, звериной злобы регот, терзаемая женщина на капоте «Волги», запах гари – было не чем иным, как вырвавшимся наружу и мгновенно воцарившимся на земле и в людских душах адом.

Проехать не удалось – истошный крик рванул в переулке подобно брошенной в толпу осколочной гранате.

– Армяне едут!

Небритые озлобленные хари сунулись к машине, открыли бы двери, если бы отец не заставил всех опустить блокировочные шпеньки.

– Выходи, армян! Разбираться будем!

– погоди! – кто-то протолкался к двери, растолкав остальных, видимо, один из организаторов. – Ты армян?

– Русский! – грубо ответил отец, добавив матерным: – Не видишь, что ли!

– Армян он!

– Вуруб эз!⁷

Грязные, жадные руки сунулись в салон машины к сжавшейся в комок на заднем сиденье шестилетней Лейле, мать с визгом оттолкнула их. Нелюди через разбитые стекла лезли в салон.

– Скажи «фынды»!

– Фынды! – повторил отец. Они говорили в доме по-русски, и поэтому он мог легко выговорить это слово, которое армянин не смог бы произнести.

– Еще раз!

– Фынды!!! – заорал отец.

– Да врет он!

– Харэ, это русский!

– Значит, так, Иван, – организатор коротким тычком под ребра отогнал кого-то, он был трезв как стеклышко, – мы русских не трогаем, мы только армян убиваем. Если увидишь кого из наших – дай три гудка и тихонечко подъезжай. Тогда не тронут тебя. Давай, езжай отсюда, русский.

А рядом, от машины рукой подать, в неверном свете факелов бесы продолжали свой кровавый танец.

Потом скажут, что в городе были Внутренние войска все это время. Да, они были. Но не вмешивались. Непонятно почему.

Тихонько плакали на заднем сиденье: плакала Лейла, всхлипывала мать – и «Москвич» уносил их дальше во тьму. В городе больше не было власти – пустые улицы, затаившиеся в страхе дома. Те, кто мог бежать отсюда, бежать от наступающей на город тьмы, уже сделали это. Они были одними из последних.

Милицейский блокпост они встретили на самой окраине города, он не перекрывал дорогу – просто две машины, гаишная юркая канарейка «Жигули-2102» и солидный угловатый «УАЗ». Несколько милиционеров стояли рядом с машинами, кто-то в милицейской форме, двое – в форме Внутренних войск, они выделялись белыми, хорошо видимыми в темноте касками, похожими на пожарные. Один из них, увидев катящийся навстречу «Москвич», в котором не было ни единого целого стекла, шагнул вперед, махнул светящейся палкой.

И отец свернул на обочину. Он просто не мог поступить иначе, ведь это были представители власти, представители порядка, представители государства.

Один из милиционеров, не тот, что махнул жезлом, не спеша, вразвалочку направился к остановившейся машине.

– Документы, – не представляясь, потребовал он.

– Товарищ милиционер, это не наша машина, мы от погрома бежим... – сорвавшись от волнения на армянский, зачастил отец и вдруг, в жутком проблеске осознания своей ошибки из всех сил толкнул сидящего рядом с ним Гагика в бок.

– Беги!!!

Гагика спасло только то, что он играл тем самым шпеньком, что блокирует дверь, – и в этот момент шпенек оказался открытым. Охнув, ничего не понимающий Гагик вывалился

---

⁷ Бей! (азерб.)

на обочину за долю секунды до того, как длинная автоматная очередь по салону перерезала пополам отца.

– Держи пацана!

Перепрыгнув кювет, Гагик махнул в темноту. Над самой головой, обладая своим смертоносным дыханием, прошла пущенная веером с дороги автоматная очередь, потом еще одна врезалась в землю левее, заставив мигом осиротевшего армянского пацана скакнуть вправо, как заяц. Менты не пошли искать его – темно, да и на дороге есть другие, более интересные дела. А тот, кто когда-то был сумгаитским пацаном Гагиком, пионером и боксером, слепо бежал напролом через темноту, не зная, кто он, куда он бежит и зачем. Единственное, чего он смертельно боялся сейчас – смерти он уже не боялся, – это оглянуться. Оглядываться назад было нельзя.

За ночь и начало следующего дня он пробежал без остановки, без дороги больше пятидесяти километров, прежде чем вышел к своим, к армянам. Семья по фамилии Бабаян приютила его – потом, когда пришла пора получать документы, он назвал эту фамилию и стал Гагиком Бабаяном, жителем Нагорно-Карабахской, никем не признанной и уже находившейся в огне необъявленной войны республики.

Потом, много лет спустя, уже будучи офицером Министерства национальной безопасности⁸ Армении, полковник Бабаян узнал, что стало с его семьей. Вошедшие в город на усмирение солдаты воздушно-десантных войск при прочесывании местности нашли на окраине Сумгаита простреленный, с залитым кровью салоном, небрежно спихнутый в кювет старенький «Москвич». Чуть в стороне, в канаве, нашли большую, воняющую горелым мясом *кучу*. Это не было человеческими останками, это было именно кучей, когда непонятно, кому принадлежат эти останки и даже сколько людей нашли здесь свою смерть. Желая преуменьшить масштабы трагедии, руководство Азербайджанской ССР приказывало развозить найденные трупы по всем моргам республики, там регистрировать их как неопознанные и, если в течение нескольких дней труп никто не опознавал и не востребовал, его так и хоронили в общей могиле, как неопознанного – тихо и быстро. Даже по самым скромным подсчетам тогда в Сумгаите за три дня убили более сотни армян, некоторые семьи вырезали подчистую. Погибло бы еще больше – если бы не сохранившие человеческий облик азербайджанцы, прячущие в своих квартирах армянские семьи от озверевших от крови и анаши *сородичей*. Среди погибших была и родная семья Гагика Бабаяна – отец Армен, мать Нина и сестра Лейла.

Но тогда же полковник Бабаян обрел свою цель. Для него это было очень нужно – понять, для чего существовать. Не жить – существовать, он умер в охваченном пламенем кровавой междоусобицы Сумгаите, в прошитом навылет автоматными очередями чужом с разбитыми стеклами «Москвиче». Он понял. И обрел.

Полковник Гагик Бабаян существовал для того, чтобы никогда больше армянским детям не пришлось убегать из дома, оставив за своей спиной расстрелянных, растерзанных озверевшими *нелюдьми* родных. Ради того, чтобы это больше никогда не повторилось – он был готов на все.

* * *

Ближняя ретроспектива

11 июня 2013 года

Анкара, Турция

Капитан спецназа Генерального штаба ВС Турции

---

⁸ Здесь нет ошибки. Служба национальной безопасности Армении возникла в 2002 году, до нее было министерство.

Абдалла Гуль
Серые Волки

Есть очень хорошая поговорка. Государство может существовать только до тех пор, пока найдется хоть один человек, готовый отдать жизнь за существование этого государства. Если это так, то Турция будет существовать вечно.

Капитан спецназа Генерального штаба ВС Турции Абдалла Гуль, правнук Эргена Гуля, отдавшего свою жизнь в жестоком бою с британскими собаками в Галлиполи, сын полковника Орхана Гуля, старшего офицера турецкой разведки МИТ и сподвижника генерала Кенана Эврена, последнего президента Турции, который заслуживал уважения, припарковал свой автомобиль на стоянке, рядом с корпусом штаба специальных операций. Капитан Гуль много времени проводил в рейдах в горах, на полигонах, а потому ему нужна была простая, неприхотливая и дешевая машина, которая отвезла бы его до квартиры, которую он снимал, привезла его на службу и довезла до какой-нибудь точки в горах. Кроме того – она должна быть неприхотливой, не слишком много пожирать топлива, простой в ремонте – и при этом обязательно полноприводной, потому что капитану Гулю часто приходилось ездить по бездорожью, добираясь до тех или иных воинских частей. Поэтому он купил простую и дешевую поддержанную русскую «Ниву», отдав за нее всего-то полтора своих месячных жалованья, – и был весьма доволен своим приобретением. За такую цену он мог купить только какое-нибудь китайское ведро с болтами, которое постоянно ломалось бы. Русская же машинка была хоть и примитивной, но неприхотливой и крепкой. Кроме того – такие машины почти никогда не угоняли.

Капитан Гуль был очень практичным и трезвомыслящим человеком.

Поскольку капитан Гуль в настоящее время находился на штабной работе, на нем сегодня была повседневная форма турецкой армии, без какого-либо указания на спецназ. В машине на переднем сиденье лежал дипломат с документами, которые он брал домой поработать, и ноутбук. Работа капитана была хоть и секретной, но не настолько, чтобы материалы нельзя было выносить из здания. Тем не менее дипломат, который капитан выудил с переднего сиденья, был оснащен шифрозамком, усиленными стенками и механизмом самоуничтожения, а также мог пристегиваться к руке тонкой, но крепкой цепочкой. Дипломат был тяжелый, и капитан его просто ненавидел.

Где же он провалился? В чем совершил ошибку?

Еще две недели назад капитан Гуль со своими людьми, одной из самых подготовленных боевых групп в Турции находился в горах, в пограничной зоне между Ираком и Турцией. Их целью была ликвидация одного из вожаков курдских собак, с началом операции американцев в Ираке перешедшего границу и повадившегося со своими бандами совершать налеты на турецкую территорию. Четыре дня они мерзли на камнях – нельзя было даже разжечь огонь, чтобы согреться и приготовить пищу, прежде чем добились своего. Управляемый взрыв обрушил целую лавину на идущих цепочкой с оружием курдских собак, мгновенно поглотив в каменном месиве половину из них. Остальных, тех, кто выжил под лавиной, – за две минуты перебил снайпер. В награду за это его перевели в учебный центр. Но за что?!

Кстати, про снайпера...

Открытый белый «Пежо» с визгом тормозов лихо остановился рядом. Капитан поморщился.

– Здравия желаю, Абдалла-ага!

– Здравия желаю...

Капитану Орхану Эриму было всего двадцать шесть – он был на четыре года младше Гуля, но при этом он был уже капитаном и имел боевую награду, полученную за бой с многократно превосходящими силами курдских собак, прорывающихся через границу. Собственно говоря, после этого боя на этого горного егеря и обратил внимание Генеральный штаб как на кандидата в спецназ. Чуть ниже ростом, чем Гуль, загорелый, подвижный как ртуть, говорли-

вый капитан Эрим совершенно не походил на военного и тем более – на офицера спецназа. Но Гуль ценил его – за всю жизнь он мало видел снайперов, сравнимых с капитаном Эримом. Бывает мастерство снайпера, а бывает – искусство. Мастерство можно наработать, но искусство – нельзя, это либо есть, либо нет. Так вот капитан Эрим был именно искусным снайпером.

– Как ваша нога, Абдалла-ага?⁹

В последнем выходе капитан потянул ногу, неосторожно ступив на сыгравший под ногой камень.

– Пока напоминает о себе. А как твои Наташи?

Эрим улыбнулся. Он был похож на Таркана, известного во всем мире турецкого певца и даже отрастил короткие аккуратные усики, чтобы еще больше быть на него похожим. Редко у капитана Эрима была только одна девушка – он предпочитал выбирать их из числа отдыхающих на побережье, чтобы не иметь никаких обязательств.

– Сегодняшнюю звали Марина. Знаете, Абдалла-ага, чем больше я узнаю русских женщин, тем больше я поражаюсь – им что, у себя на родине мужчины совсем не уделяют внимания? Та же Марина – она меня чуть целиком не проглотила.

– Дождешься, что проглотит.

– Если в России живут такие слабаки и импотенты – как же они создали такую огромную страну...

Капитан Гуль был женат и хранил верность своей жене. Он не ходил к проституткам, не пользовался услугами Наташ и вел себя в этом смысле очень строго. Но при легкомысленных словах Эрима капитан нахмурился. Заныло плечо – русские спецназовцы хотели взять его живым и поэтому не убили, только ранили в плечо, чтобы он не мог в них стрелять. Он до сих пор помнил, как его в полубессознательном состоянии тащили через грузинскую границу, а потом самолетом вывозили в Баку и дальше – в Стамбул. У него до сих пор в личном деле стояла запись о потере двадцати процентов годности к службе, и перед тем как вернуться в строй, ему пришлось переучиваться на стрельбу с левой руки.

– На твоём месте я бы не болтал об этом, – нахмурился капитан, – когда сходишь на север, тогда и болтай. А пока помолчи.

– Так точно, Абдалла-ага, – легко согласился снайпер.

Капитану в здании академии – так они называли это здание – была выделена крохотная каморка прямо под потолком, на последнем этаже. Сегодня был лекционный день, причем тяжелый – целых пять групп, у каждой – двухчасовая лекция. Итого десять лекционных часов – огромная переработка, допустимо не более шести. Тем не менее расписание занятий тот же приказ, а капитан был не из тех, кто не подчиняется приказам.

Грохнув дипломат об обшарпанный, потрескавшийся стол, капитан открыл его, достал толстую папку. Сверился с висящим на стене расписанием на сегодня. Начал еще раз перечитывать лекции, которые он правил вечером.

Это было большой проблемой. В академии преподавали одно, а в жизни было совсем другое. Черт возьми, он сам с этим столкнулся и в первом разведывающем выходе едва не погиб. Знания, которые помогут выжить во враждебном окружении, должны давать здесь – но их не дают или дают не то, что надо! Поскольку капитан Гуль относился к любому порученному ему заданию добросовестно – он добился разрешения начальника училища, полковника Фарука Сезера на то, чтобы поправить лекционный фонд кафедры, обогатить его примерами, каждый из которых он получил страхом, потом, а то и кровью, как в Ичкерии в две тысячи пятом. В любом учебном заведении лекционный фонд – это святое, и каждый, кто посягнет на него, обрекается на жесточайшее противодействие коллег. Но Фарук-ага отнесся к предложению боевого офицера

---

⁹ Приставка «-ага» чаще всего применяется в армии при обращении к командиру.

на удивление доброжелательно и разрешил брать работу домой. Поэтому капитан после того, как отчитает на кафедре положенное количество часов, уезжал домой и до десяти, до одиннадцати ночи сидел за компьютером. Он не знал, когда его и его людей отзовут из Анкары и отдадут новый приказ – поэтому он торопился. Сейчас ему вдруг пришло в голову, что Мехрибад он не уделял внимания целую неделю, и, если так будет продолжаться и дальше, его жене не останется ничего, как позориться подобно Наташам с пляжа. Капитан сделал себе пометку в голове – нужно купить цветы и попросить прощения.

Зазвонил телефон – и капитан резко повернулся к нему. Он почти не бывал в своем кабинете, и телефон никогда не звонил. Никогда.

Но сейчас он звонил.

Капитан снял трубку.

– Капитан Гуль?

– Да.

– Господин полковник Сезер просит вас немедленно найти его. Он будет во втором гимнастическом зале.

Странно. Почему не в кабинете? Хотя... странного тут как раз и нет.

– Капитан Гуль, вы меня слышите? – осведомился адъютант.

– Так точно.

– Он ждет вас. Не задерживайтесь.

Второй гимнастический зал – зал единоборств – был в это время почти пуст. Почти – потому что в нем был сам полковник, крепкий, сухой как палка, седоусый ветеран спецназа, хорошо знавший отца капитана Гуля. Он ходил с палкой из-за ранения, но обычно носил палку в руках и использовал ее, только когда боль становилась нестерпимой.

Войдя в зал, капитан осмотрелся. Никого. Полковник Сезер утвердительно кивнул – и этим кивком сказал все, что нужно было знать Гулю.

– Здравия желаю, Фарук-курт¹⁰.

Боз Курт. Серые Волки...

Турция как страна и как государство уникальна тем, что родилась она волей и энергией всего лишь одного человека, великого человека, Мустафы Кемаля, Ататюрка, отца всех турков, и родилась она на развалинах Османской империи. Османская империя была единственной империей, которую сумели создать мусульмане, противники самой идеи государства и тем более крупного государства¹¹, османские султаны, обосновавшись в столице Восточной римской империи, под зеленым знаменем вторглись даже в Европу. Гримаса судьбы заключалась в том, что впоследствии ислам и погубил Османскую империю, а теперь он мог погубить и Турцию.

Начало движению Серых Волков – внерелигиозному, крайне правому и националистическому положили офицеры турецкой армии, прошедшие обучение в Германии и долгое время воевавшие под германским командованием. Шкала ценностей Серых Волков была практически противоположна той, которая была у основного турецкого населения. Основной ценностью являлось турецкое государство, территория Турции и только потом – турецкий народ. Ислам

---

¹⁰ **Курт** – волк, соответственно «Фарук-курт» означает Фарук-волк. Понятно, что означает, если к человеку обращаются, используя эту приставку. Самое интересное, что слово «червяк» звучит тоже как курт – но пишется по-другому.

¹¹ У мусульман основным и единственным легитимным способом объединения людей является умма – мусульманская община. Ислам как таковой, а тем более агрессивный ислам отрицает понятие государства в западном его понимании и считает, что над уммой не должно быть ничего и никого. В Иране, единственном в мире клерикальном исламском государстве, создана очень причудливая форма государственного управления, в которой религиозные органы власти стоят над нормальными государственными – в этом Иран очень похож на СССР. Применяется принцип «виляет аль-факих», означающий, что над всеми государственными образованиями должен быть поставлен ученый богослов – аятолла, и он должен наблюдать за ними и оберегать народ от бесчинств и злодеяний, которые творит государство.

– притом что правоверными являлись почти все турки – не только не принимался, но и отвергался, религия должна была оставаться на подчиненном положении у государства и служить ему, а не государственные мужи должны были прислушиваться к тому, что говорят в мечетях. Вообще Серые Волки не отвергали контактов с исламскими организациями, партиями и общинами, но они всего лишь использовали их для того, чтобы достигать того, что нужно Турции как государству. Атеистичность была обязательным условием для вступления в движение Серых Волков.

В провинции Серые Волки пользовались крайне незначительной поддержкой, но зато почти все старшие армейские, жандармские и офицеры разведки принадлежали к Серым Волкам, к ним же принадлежала значительная часть турецкого бизнеса и некоторая часть городского населения. Сам Ататюрк не был Серым Волком и даже ограничивал в чем-то эту организацию – но не уничтожал, потому что понимал: он не вечен, и после его смерти Турция опять скатится в ислам. Если не будет Серых Волков.

Последним Серым Волком у власти был друг отца, генерал Кенан Эврен, бывший представитель Турции в НАТО, воевавший против большевизма в Корее, командуя турецким контингентом миротворческих сил. Потом он командовал спецотрядом СТК¹², эскадронам смерти, входящим в общенатовскую систему эскадронов смерти в неустойчивых странах «Гладиатор». Совершив государственный переворот в восьмидесятом, он пришел к власти и приказал повесить премьер-министра страны, как собаку. И правильно сделал – а ведь эта «собака» сделала намного меньше, чем нынешний премьер, посадивший на скамью подсудимых немало достойных людей.

Капитан Гуль был Серым Волком, как и его отец, как и его деды, оба¹³. Он очень гордился этим.

– Подойди ближе, Абдалла. – Полковник сидел на месте тренера у одного из боксерских рингов. – Ты знаешь этого человека?

На фотокарточке был изображен человек, довольно молодой, капитан где-то его видел – но не помнил где. Однако длинная окладистая борода сказала ему все, что он хотел о нем знать.

– Кто это?

– Некий Кенеш. Наставляет молодых людей на вредный, очень вредный путь. По нашим данным, является вербовщиком турецкой Хезбаллы¹⁴. Отвечает за вербовку в университетах, является руководителем так называемого студенческого профсоюза. Руководителем этого студенческого профсоюза его назначил ректор университета, друг и сподвижник Эрдогана, к которому мы также присматриваемся. Получается, что этот студенческий профсоюзный деятель разносит заразу и вербует молодых людей в террористическую организацию.

Полковник замолчал. Приказы никогда не отдавались прямо. Долгие годы существования во враждебном окружении, без поддержки со стороны большинства, когда люди относятся со скрытой, а то и явной ненавистью, понукаемые из мечетей, превратили турецкое офицерство – единственного европейца в Турции – в Голем, в надчеловеческий организм, в разумную социальную сеть. Если бы не это – их давно перебили бы. Каждый из них знал, что он должен делать, понимал любого из своих с полуслова и готов был действовать тогда, когда будет нужно – даже не получая приказа.

– Я понял, Фарук-курт, – сказал капитан.

– Хорошо. Только будь осторожен. От лекций я тебя освобождаю.

– Но кто их тогда прочитает, Фарук-курт?

– Я прочитаю. Иди.

---

¹² СТК, Seferberlik Taktik Kurulu – такой отряд и в самом деле существовал.

¹³ По отцовской линии. По материнской в Турции не считается.

¹⁴ **Турецкая Хезбалла** – террористическая подрывная организация, спонсируемая Ираном.

Первым делом нужно было раздобыть оружие – но с этим-то как раз и не было никаких проблем. У них на базе под Анкарой существовал целый склад оружия для операций, когда использовать штатное нельзя. Все оно было или изъято в тайниках, или взято в бою, или передано жандармерией. Львиную долю из этого составляло оружие стран Восточного блока – потому что у курдов на вооружении было именно оно. В последнее время появилось много оружия стандарта НАТО – потому что Турция активно действовала в Ираке. Все это оружие лежало разложенным и обслуженным, но без учета, кому надо – тот и возьмет.

Прибывший на базу под Анкарой капитан пробежался взглядом по стеллажам в раздумье, что же выбрать. Снайпером он не был, просто хороший стрелок, как и все спецназовцы. Ему нужно было что-то для средней дистанции – но достаточно точное. И при этом – что не жалко бросить.

Сначала он думал про ВСС «Винторез» – эти русские бесшумные снайперские винтовки у турецкого спецназа были, куплены в Чечне на рынке или взяты там же в качестве трофеев. Были к ним и патроны, и капитан Гуль умел обращаться с этим оружием. Он высоко ценил его – в Турции на вооружении не было ничего подобного. Однако оружие и патроны к нему были слишком специфичными, редкими, след от такого оружия неминуемо потянется сюда, в казармы спецназа. К тому же «Винторезов» было мало, а их, возможно, придется использовать в куда более важной операции. В конечном итоге капитан остановил свой выбор на румынском карабине, сделанном по схеме «АК», но с прикладом от СВД и удлиненным стволом – этот карабин изъяли у одного из «проповедников ислама». Он совершил ошибку, прибыв в Турцию нелегально, не оставив никаких следов, – это позволило после допроса его ликвидировать. Особенностью этого оружия было то, что приклад у него отделялся и снова ставился на место, было сделано кустарно, но хорошо, скорее всего, в мастерской в Ираке. К карабину имелся оптический прицел и глушитель, а также один магазин на десять патронов, чего для его задачи вполне достаточно. МГБ даже под пытками не смогла выбить из задержанного террориста признание, кого он хотел ликвидировать в Турции. Капитану Гулю самому не раз приходилось пытать людей – и он знал, что исламисты, исламские фанатики зачастую проявляют особенную стойкость к пытке. Вот почему они столь опасны, и, если есть возможность ликвидировать «аллахакбара», надо это сделать.

Набрав в цинке патронов, капитан вышел на стрельбище, быстро собрал винтовку. Стрельбище было подземным, стометровый тир, но он не хотел идти на открытое. Установил приклад, глушитель, прицел, быстро набил магазин, отстрелял в высоком темпе и на приличную дальность. Потом повторил процедуру. Кучность была не снайперской, но для такой дистанции сойдет. Надежность – такая, как и должна быть у автомата «АК».

– На охоту?

Капитан Гуль нахмурился. Здесь не принято было задавать вопросов.

– Да, – коротко ответил он. Ему не нравился ни вопрос, ни тот, кто его задал. В последнее время поговаривали о том, что в армии действуют группы исламистов, внедренные туда с одобрения правящей ПСР¹⁵ и лично премьера Эрдогана. Долгие годы гражданского противостояния, тайной ненависти, перемежаемой переворотами и вспышками кровавого насилия, научили многому и исламистов, тех, кто противостоит армии. Все они знали, что при перевороте те, кто активничает, не вылезает из мечети, выступает с проповедями – все окажутся на виселице. Принципиально важно для них стало знать, что задумывает армия, к чему она готовится. Тем более когда исламисты, пусть и умеренные, но все же исламисты, сейчас у власти. Поэтому исламисты внедряли своих людей в силовые структуры и действовали в этом

¹⁵ ПСР – Партия Справедливости и Развития, правящая на данный момент партия Турции. Объединяет, прежде всего, умеренных исламистов, сам Эрдоган в свое время бы мэром Стамбула и хорошо себя показал на этом посту. Но и в партии у Эрдогана нет надежного большинства, каждый раз, когда что-то происходит, он вынужден разрываться между тем, что нужно для государства, и тем, что нужно для партии.

направлении очень активно. В боевых подразделениях таких не было, все знали, что пулю в бою можно получить и в спину. Но вот в штабах, в тылах, в жандармерии¹⁶...

– Ну-ну. Хороша, должно быть, охота будет?

– Неплохая...

Что это значит? Почему он так подставляется?

Капитан молча смотрел на старшего по званию офицера. Тот не выдержал взгляда, прошел к кабинке. Загремели пистолетные выстрелы, хлесткие отрывистые щелчки. Капитан снарядил магазин, сыпанул в карман горсть патронов, разобрал винтовку и прошел к выходу. Надо быть осторожнее...

Найти Кенеша оказалось проще простого. Просто капитан поставил арендованную на подставное лицо машину – неприметный белый «Рено» – недалеко от университета, а сам прогулялся рядом. Кенеш выделялся именно бородой – турки обычно носили усы или брились полностью, борода была признаком правоверного, исламского фанатика. Рядом с Кенешем постоянно крутилось несколько человек – но ни одной девушки. Никто даже не думал, что за ними следят.

От мысли стрелять, пока компания молодых людей обедала в кафе, капитан отказался, он боялся задеть гражданских, не хотел лишних жертв. Надо было подождать, пока рядом с этим будет поменьше людей. Пообедав, студенты снова ушли на занятия и появились только под вечер. У Кенеша была машина, тоже белый «Рено», но старый, дешевый, восьмидесятых годов сборки. Капитану улыбнулась удача – если бы не было машины, пришлось бы выходить из своей и следовать за ним пешком. Ничего путного эта слежка не дала.

Примерно через пять дней непрерывной слежки капитан выяснил основные маршруты, по которым цель передвигается в течение всего дня, а также наметил два возможных места, где он мог бы осуществить задуманное. Почему-то Кенеш каждый день из всех этих пяти ночевал в разных местах – из чего капитан заключил, что он чего-то опасается или просто не имеет денег на то, чтобы снять квартиру. Капитан ни разу не видел его с женщиной или девушкой, и это могло означать все, что угодно. В том числе и то, что он воздерживается, чтобы предстать чистым перед Аллахом – после того, как совершит теракт и отправит на тот свет нескольких бедолаг, которым просто не повезло.

Это могло означать и то что, что Кенеш – просто гомосексуалист.

Наконец на шестой день слежки – это был четверг, завтра у мусликов святой день, пятница, – капитан решил действовать. Тянуть больше было нельзя, в конце концов кто-то же должен читать лекции.

Винтовку он сложил в большой старый чемодан и поднял на пятый этаж в одном из домов старого района Анкары, застроенного в тридцатые, когда этот город только что превратился в столицу. Напротив был дом посовременнее – и, как выяснил капитан Гуль, там была подпольная мечеть-молельня, прямо на квартире, там собирались исламисты. Туда же ходил и Кенеш, очевидно – за инструкциями и помолиться. Ночью шестого дня капитан забрался на чердачный этаж сам и стал ждать...

Капитан Гуль был простым человеком и никогда не задумывался о сути получаемых им заданий, что официальных, что нет, никогда не задумывался об их последствиях. Он не знал, кто такой Кенеш, и не попытался даже это выяснить, потому что ему это не было нужно. Но если бы даже и знал – это бы его не остановило.

---

¹⁶ Не так давно в Турции произошла анекдотичная ситуация – генеральный прокурор обратился в суд с иском к своему заместителю, считая его исламистом и требуя уйти из прокуратуры. В Турции деятельность исламистов ограничена конституцией страны. Но конституцию пришедшие к власти умеренные понемногу меняют.

Он пролежал на чердаке без движения тридцать два часа. Было жарко, душно, дневное солнце раскалило крышу так, что чердак превратился в душегубку, но он неподвижно лежал и ждал. Все это время он ничего не ел и только пил воду, которая вся выходила с потом. Так ему уже приходилось лежать не раз – и на холодных камнях северной Турции, и в лесистых заснеженных горах Ичкерии, и на плоскогорьях Северного Ирака. Он знал, что единственный секрет – это неподвижность, если хочешь остаться в живых – сохраняй неподвижность. Стань холмом, камнем, поваленным стволом дерева. Человеческий глаз – он так устроен еще с древних времен, когда человек был почти беззащитным перед клыками саблезубых тигров и прочих хищников, – всегда реагирует на движение и воспринимает любое, мельчайшее движение как сигнал опасности. Будь неподвижен – и ты сольешься с местностью, враг пройдет мимо и не найдет тебя. Будь неподвижен – и останешься в живых.

Кенеш появился лишь ко второму намазу, солнце уже встало, и можно было стрелять. Он был одет во все белое, как агнец, следующий на заклание. Заперев машину, он тревожно огляделся, потом направился к подъезду. Капитан четко сопровождал его стволом винтовки, но стрелять пока не хотел, чтобы не брать поправку на движение. И лишь когда Кенеш замер перед дверью, превратившись на какое-то мгновение в неподвижную мишень, капитан Гуль выстрелил. Он нажал на спуск дважды, как привык, и с удовлетворением отметил, как на белых одеждах убитого молодого исламского лидера расплываются два кроваво-красных пятна.

Дело сделано.

Капитан поднялся, потянулся, разминая затекшие мышцы. Винтовку он оставил тут, легкую куртку, которую скатал в валик и положил под цевье, чтобы сделать упор, он развернул и накинул на себя. Торопиться не следовало – пара минут у него еще была, можно спуститься спокойно.

Борьба за власть в Турции велась уже не на жизнь, а на смерть, все более радикализовываясь. Финансовый кризис, бушующий по всему миру, неизбежно ухудшил жизнь людей и дал второе дыхание радикалам – как левым, так и правым. Разрываясь между требованиями радикального крыла собственной партии – выйти из НАТО и чуть ли не ввести в стране нормы шариата, и действиями военной, кемалистской верхушки, всеми силами противодействующей исламистам (и основной части общества), премьер-министр Таир Реджеп Эрдоган со своими сторонниками постепенно оказывался в политическом вакууме, не поддерживаемый ни левыми, ни правыми. Его платформой стал стремительно теряющий сторонников центр.

Почти одновременно были запущены два плана «спасения отечества». Исламисты, левые – запустили план, который они называли «агнец». Суть его заключалась в том, чтобы на волне народного гнева и возмущения не только сместить правительство Эрдогана, но и добиться смены конституции, с исключением оттуда всех ущемляющих ислам и права правоверных норм, а также раз и навсегда разобраться с военными и Серыми Волками. Для того чтобы вызвать достаточной силы волну гнева, вывести людей на улицы, нужно было, чтобы произошло что-то такое, от чего содрогнется сердце любого турка, и не только турка – сердце любого человека.

Изначально агнцев было несколько. Каждый из них отвечал строгим требованиям – он должен был быть молодым, на его биографии не должно было быть ни единого пятна, он должен был активно участвовать в борьбе и зарекомендовать себя активным исламистом и противником армии. Он должен был совершить нечто такое, что привлекло бы к нему внимание Волков. Он должен был активно участвовать в борьбе, вербовать людей – исламисты знали, что армия и Волки жестко подчиняются ими же установленным правилам и просто так решение о ликвидации неудобных не принимают, для этого человек действительно должен совершить что-то, что по меркам Волков будет недопустимым.

В конечном итоге – агнец должен был пожертвовать жизнью, и он знал это. Только исламисты так могут, и в этом была их сила. Военный, солдат, может пойти на опасное, и

даже смертельно опасное боевое задание, рискнуть жизнью, но все равно, уходя в бой, в душе он будет лелеять надежду, что выберется живым. Он будет делать все, чтобы убить врага и выжить. Никто из военных не согласится просто погибнуть, без единого шанса подставиться и погибнуть, не оказывая сопротивления врагу, просто зная, что безмолвная смерть нужна их друзьям и соратникам, это противоречит самой природе военных. Агнцы – все как один – были готовы погибнуть именно так, без шанса, чтобы освободить Турцию от тирании и установить режим, который будет представлять большинство, а не меньшинство. Именно поэтому военные и жандармы так их боялись, уничтожали всех, кто готов был возвысить голос, шагнуть за грань, призвать к самопожертвованию. Военных вела в бой уверенность. Этим – вера. Разные вещи.

Военные должны были послать человека убить агнца – и этим совершить смертельную для себя ошибку. Поднявшаяся волна народного гнева – а в восточных странах она особенно страшна – должна была смести их.

Одновременно с этим готовили государственный переворот и военные. Военные были вооружены и лучше организованы – но из-за извечного стремления военных к порядку и даже перфекционизму они проигрывали исламистам по времени. Исламисты рассчитывали просто обуздать народную стихию – в то время как военные готовили боевую операцию. Занять те или иные позиции: тех арестовать, тех расстрелять, тех повесить, обеспечить жизнеспособность тех или иных систем государства, расставить на освободившиеся места таких-то людей. Уверенность и расчет против веры.

Исламисты, подставив одного из агнцев, Кенеша, сделали ход первыми. За этим должен был последовать арест убийцы – офицера спецназа Генерального штаба Абдаллы Гуля – и признания, такие, что вся страна должна была содрогнуться от возмущения и гнева. Но кое в чем исламисты просчитались. Даже офицерам антитеррористической группы жандармерии арестовать Гуля оказалось не под силу. И волна по поводу убийства молодого борца Кенеша, не успев подняться, оказалась захлестнутой новой, еще более страшной волной.

Группа захвата жандармерии совершила ошибку. Это был не спецназ жандармерии, в спецназе, набранном из отслуживших в спецподразделениях, Волков было больше половины, и привлечь их к такой операции означало бы полный провал еще до начала. Это были люди, сочувствующие правящей ПСР, ее радикальному крылу, служащие в жандармерии и наскоро собранные в эрзац-группу захвата. Они были экипированы как спецназ, но их подготовка не тянула даже на подготовку обычных армейских частей, это были тяжеловооруженные полицейские. Когда прозвучали выстрелы и Кенеш упал – им дали сигнал, и они на неярком с гражданскими номерами фургоне подкатили сразу к двери, к той самой, из которой должен был выскочить убийца. Но они решили, что убийца может заметить их и выскочить в окно, а потому решили подниматься к нему навстречу по лестнице, полагаясь на свои автоматы и бронежилеты. Топая, как слоны, они ворвались в подъезд.

Капитан Гуль питал слабость к «ТТ» – мощному русскому пистолету, который он раздобыл в Ичкерии и с которым по возможности не расставался. «ТТ» по размерам был подобен «Кольту-1911», даже чуть поменьше, но он был плоским, удобным в носке и стрелял пулями со стальным сердечником, способным пробить полицейский бронежилет. Еще на четвертом этаже он увидел тормознувший у подъезда фургон, а потом услышал и топот ворвавшихся в подъезд полицейских. Мгновенно спустившись еще на этаж, чтобы иметь достаточное пространство для маневра, он замер, приготовившись к броску.

Закаленное стекло забрала полицейского шлема мгновенно треснуло, пробитое пулей. Полицейский, шедший первым по узкой лестнице, получил пулю в лицо и начал валиться назад, не давая подниматься остальным. Капитан выстрелил еще дважды – вторая пуля ударила по титану шлема идущего вторым полицейского, не пробила его – но сила удара была

такова, что полицейского контузило, и он вышел из строя. Третья пуля пробила бронежилет еще одного полицейского, тяжело ранив его и мгновенно выведя из строя.

Полицейских было шестеро, и, если бы они рассредоточились внизу и встретили бы выскочившего из подъезда убийцу, шансов не было бы никаких, одному не победить шестерых. Но тут прошло две секунды, а лидер группы был убит, еще один был тяжело ранен, а один контужен. В боеспособном состоянии осталась лишь половина, но все, что смог сделать один из полицейских, – это поднять автомат и дать длинную, неприцельную очередь вверх, туда, откуда стрелял появившийся как из воздуха убийца.

Капитан отпрыгнул от лестничного пролета за секунду до того, как место, где он только что был, разорвали пули. На лестничной клетке, на широкой площадке, было три двери, и капитан выбрал одну из них, на вид менее прочную – как вдруг в другой стальной двери лязгнул засов. Кто-то решил проявить любопытство – и как раз к месту.

Двери открывались не наружу, а внутрь, и прежде чем кто-то что-то понял, капитан тяжело, всем телом ударил в дверь, сорвав цепочку и отбросив любопытного в глубь квартиры. Он умудрился остаться на ногах и снова защелкнуть засов двери, прежде чем полицейские сумели что-то предпринять. Засов глухо щелкнул, отсекая капитана от дышащего смертью подъезда толстой сталью двери и мощным засовом.

– Озур дилерим¹⁷, – сказал капитан лежащему на полу старику и бросился в глубь квартиры, ища балкон.

Это был третий этаж – но для офицера спецназа это не высота, ему приходилось совершать штурмовое десантирование, прыгать с идущего примерно на такой же высоте вертолета, да еще и с рюкзаком за плечами. Мгновенно сгруппировавшись, капитан прыгнул, ушел в перекат, вскочил на ноги – прямо на глазах уже собирающейся у того места, где лежал убитый, толпы.

– Держи! – крикнул кто-то.

Но остановить капитана уже было невозможно. Из опасения, что капитан его заметит, те, кто планировал операцию захвата, не выставили с этой стороны снайпера и вообще никак не прикрыли фасад дома. Прежде чем кто-то успел что-то сделать, капитан скорыми, волчьими прыжками бросился прочь...

Безумная погоня прекратилась лишь через час. То тут, то там взывала сирена – и он бросался прочь от нее, как загнанный волк, люди сторонились, когда видели его, шарахались в сторону. Наконец он забился в нору на заднем дворе какого-то ресторана, спрятавшись между двух огромных мусорных контейнеров.

Пистолет. Надо избавиться от пистолета.

Капитан с сожалением в последний раз посмотрел на «ТТ» – этот кусок стали сослужил ему добрую службу. Потом разобрал его, протер каждую деталь носовым платком и выбросил – часть деталей в левый контейнер, часть – в правый.

Успокоиться.

Капитан, как смог, осмотрел себя. Он даже не был ранен, одежда порвана в двух местах – но это ничего. Гораздо хуже, что его кто-то предал. И этот кто-то был из своих. Хотя – какой к чертям свой...

На охоту? Да, на охоту. Эта гнида...

Капитан Гуль, как смог, привел себя в порядок, успокоил сбитое дыхание. Первым делом ему надо уничтожить следы. Потом – все остальное.

В одном из магазинчиков он купил рубашку, белую из грубой ткани. Ее он надел, выкинув в мусорный контейнер то, что было надето на нем. В другом магазине он купил средство для

---

¹⁷ Прошу прощения.

мытья окон и, уединившись, тщательно протер им руки и лицо. Запах был мерзкий, кожу жгло как огнем – но это нужно было сделать. Теперь, если кто-то захочет сделать парафиновый тест на определение наличия продуктов сгорания пороха на лице и руках, – этот тест не даст результата.

Поблуждав немного по улицам, он из таксофона позвонил Фарук-курту. Тот сразу взял трубку, словно ждал звонка.

– Это я, – сказал капитан.

– Знаю. Приезжай в академию.

В трубке забились гудки отбоя.

– Рассказывай. – Фарук-курт почему-то был в камуфляже, а не в парадной форме.

– Дело сделано, – коротко сказал капитан.

– Я знаю. Что было потом?

– Меня пытались взять. Они уже были там. Шестеро, полицейские, в бронежилетах с автоматическим оружием. Одного я убил точно. Потом ушел.

Полковник тяжело, истинно волчьим, давящим к земле взглядом посмотрел на своего подчиненного:

– Ты провалился.

– Они уже были там. Они знали, что произойдет. Мне это не нравится.

– Ты провалился. Они заметили тебя. В полиции есть много тех, кто работает на них.

– Они появились очень быстро, – упрямо сказал капитан, – они знали, что произойдет и где они должны быть.

– Ты обвиняешь меня?

– Нет, Фарук-курт. Но надо разобраться. Они откуда-то все знали.

Вместо ответа начальник факультета спецназа академии полковник Фарук Сезер включил небольшой, стоящий на сейфе телевизор с антенной.

Передавали новости. Экстренный выпуск. Это был какой-то деловой канал, внизу непрерывно бежала строка с котировками на нефть и акции – пир во время чумы. Он узнал этот двор – сам там был несколько часов назад. В автомобиль «Скорой помощи» грузили накрытое носилками тело, снимали издалека – ближе не подпускал полицейский кордон.

...И как только что стало известно, второй полицейский, тяжело раненный сегодня при попытке задержать особо опасного преступника, совершившего убийство, только что скончался от полученных ранений в госпитале...

Полковник выключил телевизор.

– Я был вынужден это сделать. Иначе бы они схватили меня.

– Это плохо, – только и ответил полковник Фарук.

Молчание было прервано стуком вестового в дверь.

– Войдите! – крикнул полковник.

– Фарук-ага, там полицейские, – выпалил молодой вестовой, – они кого-то ищут и немедленно требуют вас.

– Идите, капрал. Скажите, что я скоро буду, – сказал полковник.

Дверь захлопнулась, от хлопка вздрогнули оба. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, потом полковник достал из ящика стола пистолет, вытащил из него магазин, чтобы остался лишь один патрон, в стволе. Гулко бухнул пистолетом об стол.

Оба они знали правила. Ничего сейчас не имело значения – ни прежние заслуги, ни нынешние. Ни положение в организации, ни то, что полковник Фарук знал капитана Абдаллу Гуля с детства и знал его отца. Провалился – отвечай, правило простое. Уйди сам и никого не тяни за собой. Остальные похоронят тебя и продолжат войну.

Капитан взял пистолет, удивившись его тяжести. Он тоже знал правила. Он был счастливым человеком, он женился по любви, и жена его ждала ребенка. Он не был виноват ни в чем, кроме того, что исполнял приказы. Он знал, что такое долг и что такое честь, он был связан круговой порукой армейского братства, и правила не оставляли ему выбора. Никакого. А потому – чуть помедлив, он приставил пистолет к голове и, глядя прямо в глаза полковнику, надавил на спуск.

Пистолет сухо щелкнул.

Выстрела не было.

Полковник уважительно качнул головой.

– Масалла¹⁸. Теперь идем со мной.

Вестовой ждал их в коридоре вместе с еще одним офицером с курсов, у того, другого офицера, в руках был короткоствольный автомат. Капитан Гуль не понимал, что происходит.

– Все готово, Гурхан? – непонятно спросил полковник.

– Так точно, Фарук-ага.

– Тогда иди на рацию. Ты мне не нужен. Дай «всем, кто меня слышит» и передавай открытым текстом – аслан атлади¹⁹.

– Аслан атлади, Фарук-ага. Разрешите исполнять?

– Исполняйте.

Полковник Фарук быстро шел по коридору, удивительно быстро, учитывая его покалеченную ногу. Коридор – дело было ближе к вечеру, теоретические занятия закончились – был полупустым.

На лестнице второго этажа они встретили группу до зубов вооруженных офицеров, с двумя пулеметами. Офицеры поприветствовали их.

Аслан атлади...

На первом этаже их ждали еще двое, с автоматами.

– Где? – коротко спросил Фарук-ага.

– Сюда, господин полковник...

Несколько полицейских находились в одном из кабинетов первого этажа, маясь бездельем и ожидая, пока к ним спустится начальник училища. Все они были выходцами из небогатых семей, чаще всего из тех, кого не взяли в офицерское училище, потому что в Турции офицером стать непросто. Среди полицейских было много тайных исламистов, что было запрещено законом. Они не знали, что произошло, – им просто приказали сопровождать представителя генеральной прокуратуры. Никто из них даже представить не мог, что произойдет через минуту.

Когда открылась дверь, представитель прокуратуры, невысокий, ухоженный, в черном дорогом костюме, встал с кресла навстречу входящим в кабинет военным.

– Господин полковник, я...

Прокурорский чин осекся, увидев того, кого он должен был арестовать и препроводить для производства следствия по делу об убийстве – тот был среди офицеров и вошел следом за полковником. Но и сейчас он ничего так и не понял.

Полковник Фарук сделал шаг в сторону, освобождая линию огня для остальных, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в голову следователю прокуратуры. Через секунду на находящихся в кабинете ошеломленных происходящим полицейских обрушили свинцовый град автоматы. Никто не успел оказать сопротивление, никто не успел даже понять, что их сейчас будут убивать. Словно отзываясь на стрельбу в здании, за окном заговорили, перебивая друг друга, автоматы и пулеметы спецназа.

---

¹⁸ **Масалла** – молодец, супер, примерно такое значение.

¹⁹ **Аслан атлади** – лев прыгнул, сигнал к государственному перевороту.

Наконец полковник Фарук поднял руку – и стрельба стихла. В кабинете плыл, выбиваясь в разбитые пулями стекла, синий пороховой дым, кисло пахло сгоревшим порохом и медно, отвратительно – пролитой кровью. Весь кабинет – стены, мебель были искорежены пулями, кровь погибших заливала ковер.

Дело сделано.

Кто-то из офицеров вставил новый магазин в автомат, с лязгом передернул затвор.

Полковник Фарук, хромым гением турецкого спецназа, повернулся к офицерам. Глаза его сияли, даже морщины не были так заметны. Казалось, что он помолодел лет на пять.

– Пятнадцать минут на сборы. Всем – бронежилеты, оружие, гранаты, как можно больший боезапас. Сбор на плацу, с экипировкой, время пошло.

За окном здания академии разгоралось пламя – это горели три изрешеченных автоматным и пулеметным огнем с верхних этажей полицейских автомобиля.

В две тысячи первом году канцелярия премьер-министра Турции и некоторые другие министерства и службы переехали в новое, специально для них построенное здание в Анкаре на Башбалканлик. Это были два тридцатишестизэтажных небоскреба, выполненные в архитектурном стиле модерн, снаружи отделанные частично темно-голубыми стеклянными панелями, частично – кирпичного цвета отделочной плиткой. Внутри было роскошно – мрамор, кожа, медь, даже позолота. Построенные здания стали не только архитектурной доминантой Анкары, ничуть не уступающей величественному комплексу Турецкого национального собрания, но и одним из самых красивых современных зданий всего Среднего Востока.

Председатель правительства Турции, Реджеп Тайр Эрдоган как только стало известно о совершившемся убийстве одного из самых известных молодых исламских активистов страны, Кенеша, совершил серьезную ошибку. Он собрал расширенное заседание СНБ в здании на Башбалканлик, чтобы обсудить перечень первоочередных мер, которые должны предпринять правительство и государство, для того чтобы локализовать кризис. Он мог бы выжить только в том случае, если бы немедленно бежал из Анкары в Стамбул, где его помнили как мэра города и где он до сих пор пользовался немалой поддержкой. Но премьер не думал, что события начнут развиваться так быстро и так жестоко.

На совещание премьер-министр направился из здания национального собрания, где проходило собрание иерархов его партии. В который раз он выступил перед ними с речью, призывая сплотиться, встать на позиции центра, не потворствовать улице и уличным настроениям, не злить лишний раз армию. На этом закрытом собрании не было прессы, там говорили то, что думают, жестко и без экивоков. В конце концов – в армии и жандармерии служат не враги, там служат наши дети, такие же турки, которые должны защищать нас, – так сказал Эрдоган. Нельзя относиться к армии как к оккупантам.

Его опять не слышали...

Турцию бросало из крайности в крайность, как плот во взбесившемся море. Мировая экономика была похожа на плотину перед самым ее прорывом – затыкали одну дыру, и тотчас начинало сочиться в другом месте. Премьер возблагодарил Аллаха, что в свое время Турция не успела променять свою лиру на модное, а теперь стремительно пикирующее вниз евро. Недостаток политической воли Евросоюза – надо было отсоединить к чертям Грецию и прочих дармоедов, пока не стало поздно, помочь собственным банкам закрыть дыры в бюджетах и выплывать в одиночку – сказался на состоянии европейской и мировой экономики самым катастрофическим образом. Соотношение доллар/евро рухнуло примерно до 1/1, на этом фоне американцы были вынуждены девальвировать свою валюту, дабы сохранить конкурентоспособность собственной, опасно балансирующей на краю экономики. В гонку включился Китай – там разгонялась инфляционная спираль, что катастрофически меняло мировой тренд последних тридцати лет. В эти тридцать лет дешевые товары из Китая помогали сбивать уровень

инфляции в мировом масштабе – теперь же Китай превращался из импортера инфляции в ее экспортера. Опасно шаталась власть в России – у северного соседа так и не научились управлять экономикой, там действовали по старым, уже не работающим рецептам, не в силах придумать ничего нового. На фоне обесценивания валют золото пробило рубеж две тысячи долларов за тройскую унцию, нефть, несмотря на тяжелейшее состояние мировой экономики, укрепилась выше ста двадцати долларов за баррель и делала попытки прорваться вверх, даже несмотря на запрет спекуляций. Стремительно пикировала в пропасть обанкротившаяся Украина. На этом фоне кабинет Эрдогана был вынужден девальвировать лиру для поддержания конкурентоспособности собственной экономики – это вызвало очередной взрыв народного возмущения и сократило рейтинг правящей партии до тридцати процентов – меньше трети. Меньше трети турков поддерживало их, а на носу были выборы. На выборах вполне могли прийти к власти генералы, жадно поглядывающие и на юг, и на север и обещающие навести порядок быстро и эффективно. Когда ноги засасывает трясина неопределенности, всегда верят крикам тех, кто кричит: «Вот земля. До нее – шаг».

Теперь еще и это.

Премьер вполне здраво оценивал ситуацию в стране и понимал, что мостом между Востоком и Западом Турция стать не сможет. Сейчас нет нужды в мостах – сейчас есть нужда в стенах, каждый выплывает поодиночке, отталкивая тонущих рядом. Нужно было выбирать, к какому лагерю примкнуть. Исключительно по деловым соображениям премьер выбрал Восток – потому что этот выбор поймет большинство и потому что на Востоке пока все было не так плохо с экономикой, как на Западе. В Турции, в отличие от стран арабского Востока, была прилично развита промышленность, в том числе тяжелая. Этим товарам нужен сбыт – и его можно найти на Востоке, на Западе много своих таких же. На Востоке есть деньги и есть нефть.

Да, Восток – это правильно.

Когда сообщили о произошедшем, премьер испугался, но быстро пришел в себя. Первым делом он отдал команду министру внутренних дел перевести полицию и жандармерию в крупных городах на казарменное положение (решение правильное, но запоздалое, через несколько минут части жандармерии, выступившие на сторону путчистов, возьмут министерство штурмом, министра еще живым выбросят из окна служебного кабинета). Затем объявил о срочном расширенном совещании Совета национальной безопасности и выехал в свою резиденцию кортежем из пяти машин. Его никто не пытался остановить, здание Национального собрания блокируют последним лишь через два часа. До здания на Башбалканлик было рукой подать.

Капитан Гуль ехал в машине, следующей в кортеже второй, на заднем сиденье. На переднем сидел полковник, не отрывающийся от рации. Первой шла машина дорожной полиции, лидируя конвой и расчищая ему дорогу. Всего в караване были: полицейская машина, три микроавтобуса и два больших армейских грузовика. В них набились все офицеры, какие только были в тот момент в академии, и часть курсантов. Очевидно, тех, кто уже принят в Боз Курт.

Через вечерние пробки они пробились легко, на окраине города к ним присоединились еще одна полицейская машина и какой-то внедорожник. В этом составе они подъехали – с мигалками, с иллюминацией – к зданию на Башбалканлик, где не успели даже усилить посты.

Полковник вышел из машины, сильно хлопнув дверью, за ним последовало еще несколько офицеров. Другие, в том числе и капитан Эрим, остались у машин.

Бойцы из группы государственной охраны встретили их только тогда, когда первые офицеры, возглавляемые полковником, уже вошли в здание через основной вход.

– Что происходит?

Офицер службы государственной охраны явно еще ничего не понял, хотя вооружен был уже не пистолетом, а армейским автоматом, который не носил на ремне, а держал в руках.

– Я полковник Фарук Сезер, нас прислали на усиление охраны здания.

– Кто приказал?

– Начальник Генерального штаба. Мы часть прямого подчинения.

– У вас есть письменное предписание?

– Нет, мы не успели его получить. Приказание было отдано по коммутатору Генштаба, устно.

Офицерам охраны приказание об усилении отдали только двадцать минут назад, они толком не успели даже понять, что происходит. Командир их подразделения, отдавая приказ об усиленном несении службы, лишь сказал, что нужно быть готовым к массовым беспорядкам и эксцессам. И все равно он не поверил этим так скоро прибывшим и хорошо вооруженным военным.

– Прошу оставаться здесь.

Офицер направился к телефону, краем глаза заметив, как несколько человек из прибывших пошли к дверям пожарной лестницы.

– Эй, – крикнул он.

Ответом стал густой шквал автоматных очередей...

Сопротивление им оказали только на этаже, где проходило заседание СНБ. Безнадежное. Им это обошлось в одного убитого и троих раненых, противник был уничтожен до последнего человека. Пленных не брали.

Капитан Гуль вышел из разбитого пулями основного зала заседаний, отделанного мрамором и дорогими породами дерева, с большим круглым столом, где по центру стояла кадка с цветами. Отступил в сторону – пол в коридоре был мраморный, и крови было столько, что ноги скользили по ней, широкой рекой она стекала к лестнице и к лифтам. В здании уже не стреляли, трупы не убирали – несколько курсантов с автоматами стояли в разных частях коридора. Поддерживалась строгая дисциплина – никто даже не подумал взять что-то из кабинетов или обшарить карманы убитых, надеясь чем-то поживиться. Все знали, что расплата за это будет скорой и жестокой. Ждали съемочную группу – она должна была запечатлеть убитых членов правительства и самого премьер-министра. Потом это все должны были показать по национальному телевидению – как свидетельство того, что власть сменилась и защищать старую бессмысленно.

Стараясь не наступать в расплывшиеся по мрамору лужи крови, перешагивая через заставшие в неподвижности смерти трупы, капитан Гуль подошел к разбитому пулями панорамному окну. Это был один из последних этажей, и вид отсюда, с самого высокого здания Анкары, на город открывался прекрасный. Внизу бухтели моторами бронетранспортеры, вставая на позиции, их хорошо было видно из-за ночной подсветки здания. Их было два, и на каждом из них к развевающемуся турецкому флагу спешно была пришпиlena широкая белая лента – опознавательный признак, по этой белой ленте путчисты опознавали друг друга. Сигнал «Аслан атлади» передавался в эфире постоянно, и все больше и больше колонн бронетехники с развернутыми флагами с белой лентой выходили из расположения частей, выходили на дороги, шли в сторону городов.

В центре Анкары шел бой. То и дело красные струи трассеров распарывали стремительно темнеющее небо.

Еще утром капитан Гуль не знал о том, что ему предстоит сделать вечером. Полковник не отдал ему ни одного приказа, он сам взял автомат и пошел в бой. Сегодня он убил по крайней мере четверых, он был в числе первых, кто ворвался в зал заседаний СНБ и открыл шквальный автоматный огонь по тем, чьи приказы еще вчера должен был выполнять.

Он ни о чем не жалел. Ни в чем не раскаивался. Если бы можно было повернуть время назад, он поступал бы точно так же, как поступил сейчас.

Потому что все было правильно.

В окраинных районах города было относительно спокойно. Перестрелок не было.

Аслан атлади...

В начале двадцать первого века альфой и омегой государственной политики величайших держав мира стали расчетливость и цинизм. Победителей не судят, интересы своей страны (чаще сиюминутные) выше интересов всего мира, выше общечеловеческих ценностей. Само выражение «общечеловеческие ценности» оказалось затасканным и изгаженным до предела, а ведь они, эти ценности, существуют – свобода, справедливость, порядок. Доброта, наконец. Произошедшее в Турции – а погибших было уже несколько тысяч – не ужаснуло никого в мире, все это уместили в десятиминутную нарезку новостей. Раньше несколько наивно и демагогично, но против кровавых военных диктатур выступал Советский Союз. Теперь Советского Союза не было, и возвысить голос против творящегося кошмара было некому.

Первым новую власть в Турции – «режим серых генералов» – признали Соединенные Штаты Америки, что моментально повлекло подозрения в причастности к организации государственного переворота в Турции. Второй, боясь отстать, признала новый режим Российская Федерация. Потом начал подтягиваться Евросоюз, не все одновременно – все-таки страшиновато было. Последним, затягивая до последнего, нехотя признал новую власть Китай.

Турецкие нацисты, окатив страну кровью, утвердились у власти.

В тридцатых режиму германских национал-социалистов Адольфа Гитлера потребовалось шесть с небольшим лет, для того чтобы развязать кровавую бойню Второй мировой. В двадцать первом веке время спрессовано, события надвигаются со скоростью курьерского экспресса, а потому беда пришла намного быстрее. Пришедшие к власти в Турции генералы не были теми, кто развязал войну. Но они внесли немалый, очень весомый вклад в разгорающийся мировой пожар.

* * *

18 июня 2012 года

Порт Аден, Арабская республика Йемен

Бывшее здание министерства обороны НДРЙ

Подполковник Роберт К. Джереми,

старший военный советник

75-й полк рейнджеров, армия США

Говорят, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. За сегодняшний день подполковник Джереми убедился, что это не так: второй раз история повторяется в виде еще более страшной трагедии. Жизнь жестоко карает, не наказывает – а именно карает тех, кто не учит ее уроков.

Потеряв нескольких своих людей при наступлении танков, подполковник отступил в Аден, приказав занять оборону и любой ценой держать район Аль-Мансур, аэродром Хормаксар и приморское шоссе. Так получилось, что на сегодняшний день он был старшим из находящихся в стране американских офицеров и единственным, способным организовать оборону города. Его преимуществами были отличная выучка и еще более превосходное оружие его людей, а также возможная поддержка его страны – Соединенных Штатов Америки. У него было преимущественное положение – он находился в обороне, а не в наступлении, и местность весьма способствовала занятию оборонительных позиций. Город Аден расположен на побережье, от остального арабского полуострова он отрезан высокими горными хребтами, и мест, где можно прорваться, – всего три. Большей частью Аден был построен в огромном кратере давно потухшего вулкана средневековыми купцами – и не без умысла: стены кратера давали

купцам и расположенным в городе складам отличную защиту от набегов племенной конницы. Эту часть города так и звали – Кратер. Племена уже тогда жили единым разбоем и взиманием дани с проходящих по их землям торговых караванов, потому что земля их была бесплодна, дика и к ведению какого-либо хозяйства, что земледельческого, что скотоводческого – решительно непригодна. И сейчас, на втором десятилетии двадцать первого века, все осталось здесь так же, как и тогда. Вот только у кочевых племен старинная кремневая винтовка сменилась на автомат Калашникова и снайперскую винтовку Драгунова, а верный конь – на танк Т-72, модернизированный с их же и израильской помощью. Остальное осталось прежним – стальная волна накатывала на древние, много чего повидавшие отроги кратера, а немногочисленные защитники пытались удержаться на этих горных склонах, понимая, что если племена и танки прорвут оборону, то их просто сомнут, прижмут к берегу и перебьют до последнего человека. Отступать было некуда, только что вплавь – и до Джибути, там, кажется, есть войска Иностранного Легиона и наша база. Там тоже черт знает что творится...

Подполковник отцепил с пояса флягу, глотнул воды – вода пока была, но скоро ее не будет. Потом попытался встать – это ему удалось, но закружилась голова. Офицер еще вчера утром был контужен во время скоротечного отступления, когда танковый снаряд рванул метрах в десяти от командирской открытой машины. По меркам сегодняшнего дня – мелочь, легко отделался, не стоит даже идти к санитару. Справившись с тошнотой, подполковник подошел к окну.

Аден лежал перед ним как на ладони: здание министерства обороны было расположено так, что оно господствовало над местностью, с тыла его прикрывал горный склон, а дорога к нему была единственная, узкая, извилистая и простреливаемая на всем ее протяжении. После налета «Градов» и недолгого артиллерийского обстрела пожары в основном потушили, но вот в порту творилось нечто невообразимое. Неизвестные хорошо все просчитали – они подорвали на рейде заполненный до отказа танкер, потушить (под обстрелом) его не удавалось, тем более что наступающие хорошо знали о диверсии и били по рейду осколочными и зажигательными снарядами. Капитан единственного находившегося на тот момент на рейде Адена американского эсминца принял тяжелое, но совершенно верное решение – сняться с якоря и выйти с рейда, ускользнуть из ловушки, пока это еще возможно. Сейчас эсминец крейсировал где-то на входе в Аденский залив, обеспечивая более-менее надежное противовоздушное прикрытие ТВД, а его комендоры садили по берегу из единственного имеющегося на эсминце ста двадцатисемимиллиметрового артиллерийского орудия. У них не было даже танков – черт побери, ни одного танка, только «Хаммеры», бронетранспортеры Страйкер и эти проклятые дорожные мастодонты MRAP, которые русская скорострельная зенитка «Зевс» калибра 23 или установленная на БТР русская тридцатимиллиметровая пушка разбирает на атомы! Единственной удачей было то, что в порту оказалось судно, доставившее – в рамках программы помощи той армии, которая сейчас штурмует город, гору военного имущества, в том числе несколько уставших гаубиц калибра сто пятьдесят пять с запасом снарядов. Они-то, установленные в разных районах города и постоянно перемещаемые с места на место во избежание подавления гаубицами противника, и были тем единственным фактором, благодаря чему танки и мотопехота противника пока что не обстреливали Аден прямой наводкой. Они же да несколько настоящих бронетранспортеров были тем единственным нормальным пехотным вооружением, которое у них было. Увлечшись борьбой с терроризмом и наизобретавшись много самых разных машин, прекрасно защищенных, но неповоротливых и почти невооруженных, американцы сейчас расплачивались за свою глупость. Против них, помимо племенного ополчения и разных вооруженных банд, была брошена как минимум танковая бригада регулярной армии при артиллерийском усилении.

Черный, жирный мазутный дым с горящего рейда влекло на город, в клубах дыма плыл шпиль Биг-Бена – почти точной копии британского, установленный в районе Стимер, британ-

ского квартала, места проживания европейцев в этих беспокойных местах вот уже на протяжении многих десятилетий. Дым заволакивал мутным покрывалом город, заползал в легкие, просачивался в любую щель, вызывал тошноту. Подполковник вспомнил, когда он видел такое же – в Кувейте, в девяносто первом, когда отступающие иракцы подожгли нефтяные скважины, и они, наступая через пустыню, матерились и отплеывались, и слюна была черной, как деготь, а сами они были похожи на обезумевших трубочистов.

Все повторяется.

Вздохнув, подполковник повернулся от окна, оглядел разгромленный кабинет, где они устроились. Как ему сказали, это было русское крыло, здесь когда-то сидели русские военные советники. Сейчас подполковник был бы не прочь вернуть восьмидесятые – сдать обезумевшую, захлебывающуюся в крови страну русским и бежать отсюда, куда глаза глядят. Не все в те времена, когда он только начинал, было плохо.

У стены поверх развернутого прямо на полу вещмешка спал майор Франтишек, фамилия его была столь сложной и заковыристой, что подполковник был просто не в силах ее произнести. Звал просто – Франк, и майор Войска Польского не обижался. На рукаве майора гордо красовался красно-белый шеврон с гордой надписью «Гром». Польские спецназовцы, воевавшие бок о бок с ними в Ираке и Афганистане, в самом начале спасли американцев, ворвавшись в полевой учебный лагерь на рассвете. Это позволило опередить йеменцев и хоть как-то организовать оборону до того, как подошли танки, сдержать первый натиск. Они, поляки, стояли лагерем дальше, ближе к бывшей столице страны, Санае, и выполняли как учебные, так и боевые функции – хотя мандат их, равно как и американский, предусматривал только обучение и советническую помощь йеменской армии и силовым структурам. Когда ночью лагерь атаковали, поляки под шквальным огнем противника (их атаковали на русских БМП) сумели сделать невозможное – организованно отступить до следующего лагеря, сохранив часть техники и снаряжения, и даже вывести раненых. Командир польского гарнизона, которого подполковник знал лично еще по Афганистану, погиб, оставшись с горсткой бойцов прикрывать отход основных сил – фактически оставшись на смерть. Сейчас польские солдаты и офицеры рука об руку с американцами и частью йеменских коммандос, которые остались верны новому правительству, дрались на спешно созданной и при любом более-менее серьезном натиске противника рвущейся по швам линии обороны. Майор Франтишек, с честью выведший свое войско – кого мог, спал на разложенном на полу спальном мешке, даже во сне прижимая к себе свой автомат. Он же привел с собой почти сошедшего с ума британского офицера; тот донес страшную весть – стоящих гарнизоном у Саны британцев застали врасплох и перебили до последнего человека. Просто снесли гарнизон сосредоточенным огнем, а оставшихся в живых намотали на танковые гусеницы. Если в течение следующего дня осажденному гарнизону Адена не доставят подкрепления и помощь, не организуют авиаподдержку – их всех ждет то же самое.

Подполковник Джереми не был уверен, что смог бы так же храбро действовать и остаться на верную смерть, чтобы спасти остальных – как тот польский полковник.

Чуть в стороне у самой стены – двое американских офицеров из спешно организованного штаба, развернув несколько полевых компьютерных терминалов и установив станцию спутниковой связи, пытались хоть как-то наладить передачу данных на КП Шестого флота и в штаб-квартиру НАТО. Подполковник пока не вмешивался в их работу. Вместо этого он подошел к наспех сооруженному из двух обычных штабному столу, склонился над расстеленной на нем спешно поднятой гражданской топографической картой. Другой карты не было.

Они пока удерживают позиции где-то дальше Дар-аль-амира и Шейх Усмана, не пропуская танковые и мотострелковые части к побережью. Плотно держат они и район Максар – это предпоследняя линия обороны. Перешеек, который они держат, – в ширину меньше мили, но там не за что зацепиться, там нет ни гор, ни каких-либо других препятствий для наступления. Пока фронт обороняется не сплошной цепью, а мобильными моторизованными группами,

скрывающимися в развалинах, складках местности и открывающих внезапный огонь из противотанкового оружия по появляющимся бронеобъектам. Подполковник приказал как можно скорее оборудовать вторую линию обороны по горному хребту, оттуда, пользуясь господствующей высотой, уже ведут огонь расчеты ПТРК и снайперы с дальнобойных винтовок. Он был уверен, что пока у них есть запасы противотанкового оружия, они отразят даже массированную танковую атаку. Но и те, кто им противостоит, не дураки. Один налет «Градов» по городу уже был и вряд ли повторится – вечереет. Но завтра они подтащат еще несколько установок «Град», подтащат гаубицы и просто будут расстреливать их, находясь на безопасном удалении, будут засыпать их снарядами, пока здесь не останется ничего живого. Если они прорвутся к побережью – конец всем; огнем танков, выведенных на прямую наводку, они перекроют Аденский залив и морской порт, сделав невозможной организованную морскую эвакуацию. Потом либо попытаются перебросить штурмовые части через залив, либо пойдут на штурм перешейка в районе Максар.

Их не сдержат. Если мятеж подняла только малая часть армии, объединившись с племенами, тогда еще куда ни шло. Но пока такой информации не было, следовало предполагать, что мятеж подняла вся йеменская армия, и количество брошенных против них сил, организованность их действий – это подтверждали. Наступающими частями явно командовали, и командовали неплохо, это не был неорганизованный, анархичный сброд с оружием, это была именно армия.

Если рейд порта Аден будет под обстрелом к моменту эвакуации – придется бросать все и эвакуироваться с пляжей в районе острова Сира, совершенно для этого не приспособленных. Единственное их достоинство – они прикрыты горами, и организовать их обстрел прямой наводкой невозможно, а навесным йеменские пушки стреляют не очень хорошо, предпочитая точность попадания каждого снаряда количеству выпущенных снарядов. Оборудованных причалов в том районе нет, и придется эвакуироваться вплавь – до кораблей. Акул там не должно быть, но все же...

Далекая, хлесткая серия разрывов – звук был похож на рвущуюся гигантскую парусину – разорвала тишину, с чуть слышным звоном дрогнули стекла. Подполковник Джереми даже не поднял головы – «Град». Вот еще одна серия. Еще... Он не думал, что они начнут обстрел уже под вечер – однако, похоже, начали...

Господи, когда же мы чему-то научимся? Подполковник, когда только это все начиналось, предупреждал, что затеянная Госдепартаментом и ЦРУ авантюра ни к чему, кроме беды, не приведет, что ставить на высший государственный пост страны бывшего просоветского лидера, с разрушением Советского Союза мгновенно поменявшего ориентацию и ставшего проамериканским лидером на Ближнем Востоке, – смерти подобно. Что страна подобна пороховой бочке и достаточно одной искры, чтобы все рвануло по-серьезному. Что лживая и двуличная политика нынешнего президента Йемена, старающегося угодить всем сразу – племенам, американцам, наркомафии, исламским экстремистам, – все же лучше, чем гражданская война в стране. Что «избрание» нового лидера страны, да еще бывшего президента просоветского Южного Йемена, Народно-Демократической Республики Йемен в качестве главы объединенного Йемена почти автоматически приведет к резкому росту сепаратистских и антиамериканских настроений на севере Йемена и радикализирует большую часть набранной преимущественно из северян армии. Что северяне никогда не примут такого решения, потому что они считают, что в долгой истории раскола Йемена на Северный и Южный победили именно они – и такое решение вашингтонских мудрецов заставит их взяться за оружие.

Нет. Все же решили сделать.

Но даже он, видевший Афганистан, не думал, что рванет так быстро и так страшно.

По коридору протарахтели шаги, подполковник положил руку на рукоять «кольта». Сейчас можно ждать всего.

Но это был всего лишь старина Беккер, капитан Пол Беккер, один из инструкторов в их лагере и офицер рейнджеров. Он не был негром – наполовину немец, наполовину американец, но выглядел сейчас как негр или как человек, переборщивший с маскировочным гримом. Масляные, черные разводы на лице делали его неузнаваемым.

– Спокойно. Это всего лишь я, – с ходу предупредил он.

Подполковник оставил «кольт» в покое.

– Ты выглядишь так, как будто тебя отпустил в увольнительную сам дьявол.

Капитан прошел к стоящей в углу большой бутылки с водой на пять галлонов, поднял ее и прямо из горлышка напился.

– Так оно и есть. Во рту как насрали.

Подполковник молча ждал доклада.

– Полный п...ц! – наконец сказал капитан. – В аэропорту черт знает что творится. Били прицельно. Есть относительно целые самолеты – но я бы на них лететь не рискнул.

– Полоса?

– Выведена из строя. За день можно привести в относительный порядок – если не будет новых повреждений. Я организовал людей.

– Он сможет завтра принять сто тридцатый?²⁰

– Не знаю, сэр. Я присмотрел другое место – Соляные поля, на берегу залива. Третья точка – дорога от Кэмп Радфан, идущая по самому побережью. При определенном навыке там можно посадить сто тридцатый, там пока нет повреждений. Но никакого аэродромного обеспечения там не будет, это дорога не самая лучшая. И, кроме того – при наступлении она может оказаться под сильным обстрелом.

– В Кратере?

Капитан замялся:

– Есть дорога, на нее точно сядет двадцать седьмой. Сто тридцатый по длине тоже сядет, но как будет взлетать – не знаю. Чуть не рассчитал – и врезался в гору.

– Порт?

– Бесполезно, сэр. Весь рейд в горящей нефти, горят корабли, те, что не успели уйти. Даже если все силы бросить на расчистку порта – за день мы ничего не сделаем, и за два тоже. Порт выведен из строя.

– Потери?

– В городе не такие большие, как могли бы быть, сэр. Мешают гражданские – они как испуганное стадо, есть те, кто бросается вплавь до Джибути.

Подполковник их понимал.

– Мы можем что-то для них сделать? – для очистки совести спросил он.

– Не думаю, сэр.

– «Марию-Луизу» выгрузили, успели?

– Да, сэр. Выгрузили все до того, как загорелось. Сейчас организуется последняя линия обороны на случай прорыва танков по хребту Джабаль Шамсан.

Хоть одна хорошая новость, да есть.

– Сколько продержимся, как думаешь?

Капитан покачал головой.

– Пока снарядов к гаубицам хватит, сэр. Сутки, может, двое.

Подполковник повернулся к офицерам своего временного штаба:

– Передавайте...

Что нужно было передавать – подполковник не успел сказать. Очередная серия ракет «Града» легла совсем рядом, их оглушило близкими разрывами, стекла моментально лопнули

---

²⁰ Сто тридцатый – то есть C-130, основной фронтовой транспортник НАТО.

миллиардом осколков, горячий вихрь ворвался в кабинет, сбивая с ног людей и круша аппаратуру. Подполковник не успел упасть на пол – вихрь подхватил его, бросил на стену, сбивая с ног, сверху с грохотом упало еще что-то, в глазах потемнело...

Он не знал, сколько он так пролежал. Час, день, может быть – всего минуту. Сознание упорно не хотело возвращаться в измученное тело, блуждая в темных лабиринтах забытья. В чувство подполковника привел капитан Беккер, пришедший в себя первым и весьма невежливо пару раз хлестнувший подполковника по щекам...

Подполковник открыл глаза. Первое, что он увидел, была трещина на потолке. Возможно, это просто потрескалась побелка. А может быть – при следующем обстреле все это чертово здание просто рухнет на них и погребет их в руинах.

Подполковник закашлялся, в горле будто кто-то скребся, живой и безжалостный, пытаюсь выбраться наружу.

– Сэр...

Вместо ответа подполковник смог только что-то невнятно прохрипеть.

– Попейте, сэр...

Теплая вода чуть успокоила неожиданного, обосновавшегося в гортани зверя – но не изгнала его прочь.

– Все целы?

– Не знаю. Давайте, я помогу вам встать, сэр.

С помощью капитана Беккера и оказавшейся под рукой стены подполковник встал на ноги. Чуть в стороне отряхивались, поднимаясь с пола, штабные. Меньше всего пострадал Франтишек – он лежал на полу, и его просто засыпало осколками. Сейчас он проснулся – но не вставал, опасаясь новых взрывов.

На пяточке перед зданием министерства что-то горело, кричали на несколько голосов.

– Санитар кому-нибудь нужен?

– Кажется, нет, сэр.

Одного из офицеров связи прилично задело осколком стекла – но все это можно было пока поправить с помощью индивидуального перевязочного пакета. Слава Аллаху, что бутылка с водой стояла на полу у подоконника и не перевернулась.

– Все едно нас тут вобьют, пан доповковник, – с мрачной убежденностью сказал Франтишек, не вставая, – до последней людини замордуют.

– Заткнись, не каркай! – резко ответил подполковник Джереми. – Что со связью?

Один из радистов оторвался от рассматривания того, что когда-то было антенной спутниковой связи – основной удар пришелся на нее.

– Сэр, спутниковой связи у нас больше нет.

– Не починишь?

– Нет, сэр. С концами...

Твою мать... Станция была единственной.

– Беккер!

– Я, сэр!

– Поезжай в город. Еще раз осмотри порт и аэровокзал на предмет исправного оборудования связи. Посмотри, может, найдешь где гражданскую спутниковую тарелку.

– Сэр, она работает не в нашем формате, – встрял связист.

– Все равно вези. Все, что найдешь. Если не будет связи – нас и впрямь здесь всех замордуют. Если не найдешь – готовьтесь держать связь через «Farragut».

«Farragut» – так назывался тот самый эсминец, ускользнувший из Аденского порта, прорываясь через пылающую от горящей нефти водную гладь и поднимаемые падающими на рейд снарядами фонтаны. Связь можно было действительно установить тактическими средствами, эстафетой, через него.

- Есть.
- Пан допозковник?
- Сиди пока здесь. Я скоро приду.
- Есть...

Подполковник хотел сходить вниз, посмотреть, что делается на постах, которые охраняют здание министерства и прикрывают дорогу, ведущую к министерству – видимо, основной удар «Града» пришелся на них. Но, открыв дверь, он увидел за ней генерала Саида – подполковника, мгновенно, за один день прошагавшего несколько ступеней от подполковника до полного генерала и министра внутренних дел. Жирный, усатый, как таракан, носящий щегольски сбитый набок красный берет – он сразу не понравился подполковнику Джереми.

- Вас хочет видеть президент, подполковник. Немедленно.

Мутилось в голове, хотелось дать этому жирняку в морду и захлопнуть перед его носом дверь. Так дать, чтобы кровью умылся.

Но нельзя.

- Немедленно, сэр!

Подполковник кое-что прикинул.

- Франк.
- Я, пан допозковник.
- Пойдешь со мной.
- Есть!
- Господин президент говорил про вас одного! – запротестовал Саид.

Не говоря ни слова, подполковник просто отстранил его в сторону, широким шагом пошел по коридору. У лестницы, ведущей на второй этаж, на всякий случай уже занял позиции американский пулеметный расчет. Франтишек пристроился рядом.

- Будь начеку, – шепнул подполковник.

Приемная президента охранялась до зубов вооруженными офицерами Президентской гвардии, обыскать американского и польского офицеров и потребовать сдать оружие они не решились. Просто открыли дверь и пропустили их внутрь.

Президент Арабской Республики Йемен Али Насер Мухаммед, избранный «переходным правительством», старый – но не потерявший своей воинственности, сидел в бывшем кабинете министра во главе стола, а по обе стороны стола сидели уцелевшие члены нового кабинета и офицеры Президентской гвардии. Всего в кабинете было человек двадцать, они поставили столы так, чтобы образовалось нечто наподобие кабинета для совещаний. У всех было какое-то оружие, даже у гражданских.

Полковник молча подошел к столу, садиться не стал.

- Садитесь, – властно сказал президент, указывая на свободный стул.
- Благодарю, – ответил подполковник и остался стоять.
- Хорошо... В таком случае мы хотели бы знать, подполковник, что правительство Соединенных Штатов Америки делает для спасения свободы и законно избранного правительства Йемена?

Будь этот вопрос задан в другой обстановке, другим тоном и другими словами – подполковник обязательно бы ответил на него. Сейчас же и вопрос и тон, которым он был задан, и обстановка – его просто взбесили.

- Не знаю, – отрубил он.
- То есть как – не знаете?
- У меня нет связи. Станцию спутниковой связи разбило взрывом. Я бы хотел знать, что делается вами, уважаемый господин Президент, для спасения свободы и законно избранного правительства Йемена?

Судя по всему, никто из сидящих в этом кабинете людей даже не задумывался о том, что они – власть, и они должны что-то предпринимать. В их понимании американцы, поляки, британцы, литовцы, чехи, словаки – те, кто сейчас либо уже погиб, либо сражался, прикрывая плацдарм для эвакуации, – это они должны были что-то делать. А сам Али Насер Мухаммед – делать был ничего не должен и его люди тоже, они должны были просто принять власть.

Ублюдки...

– План эвакуации готов?

– Нет, – ответил полковник уже со злорадством, – никак нет. Порт горит, а аэропорт выведен из строя.

– Так делайте же что-нибудь, черт побери, или...

Президент шарахнул кулаком по столу – это, видимо, было каким-то заранее оговоренным сигналом. Все дернулись к оружию – но было поздно. Подполковник резко шагнул в сторону, открывая сектор огня для стоящего за спиной польского спецназовца. Поляк вскинул винтовку, у него была новая польская винтовка с подствольником, и к ней он присоединил лазерный прицел и большой магазин – улитку на девяносто патронов, превращая ее почти что в ручной пулемет. Красная точка лазерного прицела метнулась по столу – и мгновенно замерла на вспотевшем лбу президента. Те, кто потянулся руками к оружию, мгновенно замерли, как соляные столбы.

– Что вы делаете? – попробовал возмутиться находящийся под прицелом президент. – Это беспредел!

– Жалуйтесь в Госдепартамент, – отрезал подполковник, – и заодно учитесь плавать. Лично я не намерен заниматься вашей эвакуацией. Это ваша страна, и вам лучше знать, как унести отсюда ноги. Тем более один раз вы это уже сделали, не так ли?

История повторялась – один раз в виде трагедии, второй раз – в виде еще большей трагедии. В одна тысяча девятьсот восемьдесят пятом году президент НДРЙ Али Насер Мухаммед, верный коммунист-ленинец пригласил таких же, как он, верных коммунистов-ленинцев, внутренних оппозиционеров во главе с его злейшим врагом, Абд Эль-Фаттахом Исмаилом в один из загородных дворцов на переговоры по обеспечению единства в партии и стране. Со стороны оппозиции приехали двадцать человек – практически весь кабинет министров находился в оппозиции президенту. Когда они вошли в зал для переговоров – а президента почему-то в нем не было – и расселись вокруг стола, в зал ворвались автоматчики-смертники, в упор расстреливая людей. Уцелел только Абд Эль-Фаттах Исмаил, с несколькими верными людьми он вырвался из дворца и бросился в советское посольство, потому что больше ему было укрыться нигде. Армия сразу раскололась пополам – но президент призвал на помощь дикие горные племена, среди которых имел немалую поддержку, и выдал им оружие с армейских складов. Двадцать тысяч дикарей-кочевников ворвались в Аден, тогда столицу Южного Йемена, принявшись с запредельной жестокостью убивать всех, кого они встретят, в городе вспыхнули уличные бои. Поддержавшие президента части береговой артиллерии открыли огонь по городу. Сам президент выступил по радио, отрекся от дружбы с СССР и провозгласил исламский путь развития в стране. Абд Эль-Фаттах Исмаил погиб при невыясненных обстоятельствах, пытаясь прорваться из советского посольства как раз накануне его штурма, потом верные погибшему Фаттаху части с советскими советниками подавили мятеж, но президент ушел. Выехал в Египет и моментально занял проамериканскую ориентацию. А теперь история перевернула все в обратном направлении, сам президент, тринадцать дней назад ставший главой уже объединенного Йемена, сидел за столом под прицелом и знал, что стоит дернуться – как мозги его полетят на стену.

Непонятно, сколько еще так могло продолжаться – двое, рейнджер и спецназовец у стены, держащие под прицелом весь кабинет министров страны, – как вдруг гулко хлопнула дверь.

Подполковник выхватил «кольт» – но это оказался один из его подчиненных, отступавший с ним от базового лагеря.

– Сэр! – и осекся.

– Говорите, капрал, – подбодрил его подполковник.

– Сэр, там, внизу, к дворцу идут люди! Много!

– Что за люди? – непонимающе спросил подполковник.

– Люди, гражданские! Они хотят видеть президента. Мы не можем остановить их, не стреляя!

Али Насер Мухаммед заметно побледнел.

– Я...

– На вашем месте, я бы поговорил с народом, – сказал подполковник, – ведь вы же законно избранный президент.

Поляк опустил винтовку.

Из кабинета они выходили плотной толпой – президентская охрана, несколько человек из Гвардии, потом сам Али Насер Мухаммед. Подполковник с Франтишкой задержались в кабинете, пропуская остальных, и не видели, что точно произошло.

Просто в коридоре, полном йеменских офицеров, вдруг что-то гулко треснуло, и закричали на разные голоса. Подполковник с ужасом понял, что это прогремел выстрел.

– За мной!

Вспомнив дни, когда было время поиграть в американский футбол, американец смело врубился в людской водоворот, места, чтобы наносить удары кулаками, не было, и он активно применял локти и предплечья, толкал, бил и пробивался, пробивался вперед, как ледокол, прокладывая себе путь в бушующем людском водовороте. Франтишек пробивался в кильватере, он не имел такого могучего телосложения – но имел резкий, поставленный удар и сейчас щедро раздавал тумаки всем, кто попадался ему на дороге.

– Не стрелять! Не убивать! Назад!

Подполковник уже понял, что произошло.

Смело врубившись в бушующий на мраморных ступенях водоворот, подполковник ловким ударом под дых отправил в нокаут одного, сбил с ног другого – все они пинали кого-то, распростершегося на ступенях.

– Не убивать! Назад! – медведем он встал над поверженным.

Охваченные безумием йеменцы подались назад.

Подполковник присел над распростертым на каменных ступенях окровавленным человеком – ему он показался маленьким и каким-то тщедушным. В форме офицера Гвардии. Но он был еще жив, и это было самое главное.

Он достал из кармана не слишком чистый носовой платок, начал обтирать окровавленное лицо покушавшегося. Человек дышал тяжело, надсадно, в горле что-то булькало.

– Кто ты? Зачем ты это сделал? Скажи, зачем ты это сделал?

Подполковник полагал, что он способен понять английский, потому что со всеми армейскими офицерами занимались англоговорящие инструкторы и советники, да и английский язык был снова обязательным для образованных йеменцев после недолгого периода засилья русского.

Человек что-то проговорил на непонятном языке. Потом еще раз – то же самое.

– Кто-нибудь может перевести, что он говорит? – поднял голову на столпившихся вокруг офицеров подполковник.

Один из офицеров несмело шагнул вперед.

– Да, сэр. Он постоянно повторяет: лучше он один, чем все мы. Лучше он один – чем все мы.

Лучше он один – чем все мы...

Тошнило... Новые снаряды гаубиц и ракеты «Града» разрывались в городе, чуть заметно подрагивала от разрывов земля. Можно было бы сказать – стекла звенели, да только стекло целых в здании уже не было.

Подполковник поднялся на ноги.

– Есть тут кто-то из американских военнослужащих?!

Расталкивая йеменцев, к нему пробились двое, с оружием.

– Да, сэр.

– Перенесите этого в бронемашину! – показал на покушавшегося подполковник. – Вызовите фельдшера и окажите ему возможную помощь. Мы забираем его с собой! Отвечаете за этого человека, капрал Ультерман! – Подполковник разглядел табличку с именем на форме.

– Слушаюсь, сэр!

Кто-то принес раскладные носилки, покушавшегося осторожно переложили на них, понесли вниз. Никто из йеменцев не осмелился возразить, толпа мрачно молчала.

Подполковник зачем-то растер носком ботинка по слою пыли пролившуюся на мраморные ступени здания кровь, затем сделал несколько шагов, поднимаясь выше, чтобы посмотреть на случившееся. Никто не осмелился преградить ему путь.

Одного взгляда на лежащего на площадке Али Насера Мухаммеда хватило, чтобы понять – готов. Совсем – готов.

Всё...

– Выйдите на связь с теми, кто осаждают город, – сказал подполковник, ни к кому конкретно не обращаясь, он знал, что такая связь существует, и кто-то уже обсуждает по ней возможность перехода на другую сторону, – не сообщайте о произошедшем. Просто скажите, что мы готовы выдать им Али Насера Мухаммеда в обмен на прекращение огня и безопасную эвакуацию военных и гражданских лиц, пожелавших эвакуироваться. Исполняйте!

Это был Йемен. Был город Аден. Был тринадцатый и последний день правления президента Арабской Республики Йемен Али Насера Мухаммеда. Всего лишь – один из дней подступающей к миропорядку катастрофы.

* * *

20 февраля 2014 года

База-8 ВВС Израиля

Эскадрилья 69

За прошедшие пять суток подполковник Эгец, командир одного из лучших подразделений ВВС мира, без всякого преувеличения, поспал где-то около двенадцати часов. Все остальное время он напряженно работал.

Первым делом он, не обращая внимания на коллективное возмущение пилотов, прихватизировал общественный кофейный автомат – перетащил его в свой кабинет и сменил патрон. Вместо «Максвелл-хаус Регуляр», дешевого и дерьмового кофе, отдающего по приготовлении жженой резиной, он поставил дорогой «Чибо Голд», специально съездив за ним в Тель-Авив. Таких патронов он прикупил несколько – понимая, что сидеть придется долго. Там же он купил несколько баллонов хорошей минеральной воды, и все это привез на базу. Потом он съездил домой и привез целый багажник самой разной литературы – россыпью. Все это он сам, никому не доверяя, затащил в кабинет.

Потом приехал Миша, пэвэошник из главного штаба ВВС с таким странным именем. Его имя здесь никого не интересовало – Миша так Миша, в эскадрилье тоже были русские. Другое дело – что летчики начали проявлять повышенный интерес к тому, что должно про-

исходить в здании штаба, а потому комэск Эгец назначил старшего и определил для истребителей-бомбардировщиков, ему подчиненных, интенсивную программу тренировок на неделю. Самые опытные из пилотов уже начали кое-что понимать – полет на предельно малых, тренировки в применении высокоточного оружия по защищенным целям, как апофеоз всего – операции типа Wild weasel, «Дикая ласка». Уничтожение систем ПВО противника при активном противодействии последних. Среди пилотов эскадрильи, в основном молодых, не было опыта именно в таких операциях, последние операции такого рода были в начале восьмидесятых, в жестокой войне с Сирией, а заодно – и с Советским Союзом. У Эгеца же подавляющее большинство пилотов в те времена благополучно ходили в школу и мечтали стать летчиками, до дыр зачитывая газеты и журналы, где рассказывалось о героических подвигах израильских асов над Голанскими высотами. Девяностые, когда они начинали служить, не были отмечены скольконибудь серьезной войной «не в одни ворота», когда самолеты должны не только максимально точно сбросить свой бомбовый груз – но и умудриться выжить, не попасть на прицел зенитных ракет или сирийских асов, большей частью во время атаки матерящихся последними словами на великом и могучем. Подполковник Эгец вполне трезво оценивал свое воинство и знал, что долгие годы без настоящей войны не пошли израильским ВВС на пользу. Больше всего он хотел бы сейчас заместить этих желторотых, по сути, юнцов – условные тренировки над своей территорией не в счет – теми асами, с которыми он летал на штурм противовоздушной крепости Феба. Но это было невозможно – кто списан по здоровью, кто не пойдет обратно даже на аркане, и все, абсолютно все не имеют практики на F-15I. Он мог назвать нескольких, кто летал на первом варианте этой машины F-15A, только-только поступившей на вооружение к началу Мира Галилее²¹, – но и их пришлось бы серьезно и долго переучивать. Поэтому основной упор в программе обучения подполковник Эгец сделал на уничтожение расчетов ПВО и пообещал через неделю устроить зачет.

Миша приехал на базу к вечеру первого дня – с водой, кофе, переносным холодильником, небольшим вентилятором и ноутбуком. Как видно, мысли двух офицеров относительно того, что им понадобится во время вынужденного затворничества, совпадали.

Заперев на ключ дверь и взяв для себя три дня на подготовку, офицеры приступили к составлению плана операции. Один с точки зрения истребителя-бомбардировщика, другой – с точки зрения офицера ПВО страны. Как минут эти три дня – они сравнят то, что у них получилось, попробуют отстоять свой план и доказать несостоятельность другого. Два офицера отлично дополняли друг друга. Потом они внесут коррективы, объединят два плана – нападения и защиты – в один и представят его на утверждение генералу Ядлину.

Прежде всего подполковник Эгец, используя Интернет и свои записи, не пожалел нескольких часов для того, чтобы ознакомиться с такими же или схожими операциями, которые имели место в прошлом. Историю надо знать, чтобы не допускать допущенных ранее ошибок. Записав на листе бумаги короткий список операций, подполковник вышел в Интернет и погрузился в его бездонные воды.

Таких операций он вспомнил четыре. Первая – «Удар грома», операция, проведенная в тысяча девятьсот семьдесят шестом году ВВС Израиля по доставке группы спецназа – бата-

---

²¹ Мир Галилее – война 1982 года, основные боевые действия происходили против Сирии. Результаты этой войны неоднозначны: израильтяне завоевали и успешно поддерживали господство в воздухе, разгромили крепость ПВО «Феда» в долине Бекаа. Однако наземная группировка столкнулась с жесточайшим сопротивлением и поставленных задач выполнить не смогла, более того, к моменту окончания боевых действий оказалась под угрозой флангового удара и окружения. Израиль понес тяжелые потери в офицерском звене. В результате бомбового удара по штабу израильской группировки погибли заместитель начальника штаба израильской армии бригадный генерал Иегуда Адам, командир моторизированной бригады «Голани» полковник Хайм Селаа и полковник Хадур Абрахам. В местечке Айи-Зхальта был убит командир танковой бригады подполковник Сами Самуэль. По сведениям того периода, в июньских боях также были убиты 2 подполковника, 13 майоров, 30 капитанов, 32 лейтенанта. Красноречивее всего об итогах той войны говорит тот факт, что в Ливане до начала двухтысячных годов оставались сирийские войска.

льона Сайарет Маткаль в полном составе в Уганду, за четыре тысячи километров от Израиля, чтобы освободить израильтян, находившихся в ранее захваченном террористами самолете. Самолет находился на территории Уганды, в аэропорту Энтебе и помимо четверых террористов охранялся солдатами угандийской армии. Диктатор Уганды Иди Амин относился к Израилю враждебно.

Интерес представляло то, как была организована доставка спецназа. Четыре транспортных самолета типа С-130, в которых находились сами спецназовцы, их техника, в том числе черный «Мерседес», такой же, как у диктатора, и было место для заложников. Этим самолетам предстояло проследовать через территории сразу нескольких государств, а потом совершить посадку на аэродроме, возможно, прикрытом зенитной артиллерией – они не знали точно, как прикрыт аэродром. С-130 – это тяжелый и неповоротливый самолет, от очереди ЗУ-23-2 он не сможет ни уклониться, ни ответить. Самолеты проследовали к цели без истребительного прикрытия, на предельно малой высоте, прижавшись друг к другу на недопустимо малое расстояние, да еще и ночью. Это был смертельный риск – в любой момент самолеты могли столкнуться в воздухе, – но риск оправдал себя. Наведение самолетов на цель осуществлялось с «Боинга-707» компании «Эль-аль», за штурвалом которого сидел сам главнокомандующий ВВС Израиля генерал Пелед. В итоге самолеты проследовали над половиной Африки так, что на радарх их принимали за один самолет – по легенде это был британский самолет, везший военное оборудование. Так же без происшествий они совершили посадку и потом взлетели, доставив спасенных заложников домой. Это был оглушительный успех.

Но единственное, что извлек из этого подполковник, – схема наведения с гражданского самолета. У него появилась мысль насчет этого. Возможно, еще какая-то легенда – хотя подо что можно залегендировать истребительную или истребительно-бомбардировочную эскадрилью, он не представлял. Что же касается остального – ничего из указанного опыта не подходило. Если бы у Иди Амина были С-300 и истребители ПВО – операция сорвалась бы. В Энтебе ждал гражданский аэропорт, прикрытый кое-как обученными солдатами, а не подземные ядерные и ракетные центры, прикрытые системами ПВО всех типов и классов.

Вторая история была ближе к тому, что они собирались совершить. Это была попытка ликвидировать диктатора Ливии Муамара Каддафи точным ударом истребителей-бомбардировщиков как базовой, так и палубной авиации. Основную задачу по поражению наземных целей исполняли истребители-бомбардировщики F-111, взлетевшие с аэродромов в Великобритании и дозаправленные по пути к цели, и флотские А6, взлетевшие с авианосцев. Палубные F-18, для которых это был дебют, должны были поразить средства ПВО Ливии, включая самые опасные – дальнобойные типа С-200, установленные в районе окрестностей г. Сирта. Эта задача была выполнена. Потом те же самые Хорнеты с авианосца Coral Sea вместе с палубными штурмовиками типа А-7 нанесли удары по позициям SA-2 SA-3 и мобильных SA-8 Оса в окрестностях Триполи и Бенгази. Использовались самые современные на тот момент ракеты AGM-88 Harm, при этом мобильные ЗРК типа Оса подавить так и не удалось, хотя только по целям в окрестностях Бенгази было израсходовано больше тридцати ракет. Работа локаторов типа SA-5 тоже фиксировалась после нанесения по ним удара ПРР – а это значит, что Гаммоны считать подавленными тоже было нельзя, и почему они не нанесли удар – оставалось загадкой. Не взлетели истребители ПВО, не прикрыли ракетные комплексы ПВО от ударов ПРР, несмотря на то что ударов по аэродромам не наносилось, у американцев не хватило на это сил. Операция была проведена с минимальными потерями, и хотя сам Каддафи остался цел и невредим, было признано, что цель операции достигнута. Подполковник же, посчитав расход ракет, особых поводов для радости не видел. При таком расходе ракет самые опасные – мобильные ЗРК остались неподавленными, с комплексами Гаммон тоже непонятно что. И это при том, что удары наносились авианосными группами с трех авианосцев по целям на побережье, им не приходилось лететь больше тысячи километров, чтобы нанести удар. При необ-

ходимости – можно было быстро вернуться на авианосец, дозаправиться, перевооружиться и снова нанести удар, а у них такой возможности не будет. Да, с тех времен HARM неоднократно модернизировали, подполковник знал, что у первых ее серий были большие проблемы, он сам как эксплуатант составлял отчеты для фирмы-производителя о применении этих ракет и выявленных недостатках. Конечно, большинство из них устранили – но и системы ПВО с тех пор шагнули на новый качественный уровень. У них, в отличие от американцев, будут ограничения как по времени, так и по носителям – повторный удар при необходимости они уже не смогут нанести. Если системы ПВО не будут подавлены – ударной группе останется только поворачивать назад.

F-111... Когда их снимали с вооружения в США, подполковник не раз писал докладные о том, что такие машины можно и приобрести с последующей модернизацией, тем более что продавали их очень недорого. Но приобрела только Австралия. Да, устарел самолет – но тащит четырнадцать с лишним тонн боевой нагрузки, а при полете в режиме следования местности на предельно малой ни один американский самолет последнего поколения не может с ним сравниться. Все дело в многократно охваченных крыльях с изменяемой стреловидностью – подполковник видел, как они работают на Миг-23, их основным противнике в те времена, когда он служил, и не разделял мнения скептиков. Изменяемая стреловидность очень расширяет спектр возможностей самолета. Что на его «Игле», что на F-16I при полете на низкой высоте с полной боевой нагрузкой трясет и болтает, как на русских горках, в то время как самолет с выставленными на максимальный угол стреловидности крыльями в таких условиях – как на ковче-самолете летишь. Боевой радиус – больше двух с половиной тысяч, это на тысячу больше, чем на его «Игле». Его заявки на приобретение F-111 отклоняли по двум причинам: первая – американцы выделяли военную помощь только на покупку новых самолетов, вторая – как только у Израиля появятся самолеты, которые можно заносить в список стратегических, противостояние на Ближнем Востоке вступит в новую фазу. Как будто у Хусейна не было в свое время Ту-22.

Кстати – самолеты F-111 в США есть на консервации. Возможно – стоит потребовать их приобретения, специально под эту операцию. Несколько машин с такой дальностью полета и с такой боевой нагрузкой будут в их деле как нельзя кстати.

Третья операция – то, что они делали в Ливане, их схема выполнения операций Wild weasel. Для подавления сирийских ЗРК они привлекали целый комплекс разнообразных средств нападения и подавления. Первое – это Б-707, оснащенный комплексом Elint – он осуществлял радиоэлектронное противодействие сирийским радарам, ставил помехи и выдавал ложные цели. Второй компонент – это самолет E2 Hawkey, с которого тоже ведется РЭБ и главная задача которого – управление беспилотными разведчиками типа Scout. Тогда они были невооруженными, сейчас есть и вооруженные ракетами варианты. И тот и другой самолет считаются особо ценными, их прикрывают от Мигов самолеты F-15. Первым идет по местности беспилотный Скаут, на нем стоят уголкового отражатели, чтобы он давал картинку как атакующий полноразмерный бомбардировщик. Его задача – заставить сирийских зенитчиков включить РЛС и засечь их местонахождение. Как только это происходило – самолет E2 сообщал координаты сирийской РЛС самолету Wild weasel – его роль исполнял F4 Phantom, старик времен еще Вьетнамской войны. Наводимая с E2 «Дикая ласка» подкрадывалась, маскируясь холмами и горами – и внезапно наносила удар ракетами Standard или Shrike, после чего немедленно покидала поле боя. Если повторный проход Скаута показывал, что локатор уничтожен, – E2 вызывал истребители-бомбардировщики типа Kfir с кассетными бомбами – они наносили удар уже по установкам ЗУР, которые не получали данные от локаторов и не могли ответить. Как раз на Kfir и летал подполковник, тогда еще не бывший подполковником и командиром эскадрильи, а бывший простым летуном с начисто сорванной башней. Вся эта процедура занимала довольно значительное время, зачастую «Дикой ласке» не удавалось поразить РЛС – и

тогда начиналось все сначала, а то и на другой день. Это была тонкая, кропотливая, требующая времени работа, она не терпела спешки – за спешку пришлось бы расплачиваться техникой и жизнями. Надо сказать, что сирийцы и русские быстро придумали меры противодействия и сильно осложнили им работу. Вокруг РЛС стали ставить установки ЗУ-23-2 и еще более опасные ЗСУ-23-4 на гусеничном шасси и с собственной РЛС наведения. У них была двойная задача – сбивать Скауты, проводящие разведку, и не давать самолетам противника наносить удар с предельно малых высот, прячась за холмами. Иногда русские разгадывали направление подхода самолета Wild weasel и ставили на ее пути замаскированную Шилку – если ее не обнаруживали вовремя и она открывала огонь, то уцелеть было почти невозможно. Если позволяло техническое оснащение – то недалеко от одной РЛС ставили еще одну и включали ее в случае, когда была поражена первая и над ней прошел Скаут, подтверждая поражение РЛС. Тогда прилетевшие Kfir встречало море огня Шилок и точные пуски ракет по данным второй РЛС – как-то раз в это месиво попал сам подполковник Эгец и едва успел катапультироваться. А вот кое-кому повезло меньше.

У них, естественно, не будет возможности подавлять систему ПВО таким образом. Один удар – и все, они должны пробить брешь одним ударом и через нее проникнуть в охраняемую зону сразу большими силами, развивая успех во всех направлениях. Но сама по себе идея использования БПЛА в качестве оружия для подавления локаторов ПВО неплоха, тем более что современные БПЛА могут нести вооружение и нанести удар по локатору сразу по обнаружении, не дожидаясь подхода «Дикой ласки». Проблема заключается в том, что у БПЛА не слишком велика дальность полета, а удар нужно наносить сразу по всем точкам, и очень скоординированно. Нельзя допустить, чтобы удар по одной установке или одному локатору поднял на ноги всю систему ПВО, чтобы они успели поднять в воздух истребители-перехватчики до того, как будут уничтожены полосы. Хороша и идея использования самолетов-постановщиков помех, их можно замаскировать под обычные самолеты гражданских линий и пустить по гражданским маршрутам.

Последнее, что заинтересовало подполковника, – это первая фаза операции «Буря в пустыне». Это была единственная операция, по размаху сравнимая с той, что задумывал сейчас он. Нужно было подавить систему ПВО целой страны, чтобы дать возможность истребителям и бомбардировщикам делать свое дело. Единственная разница – американцы широко использовали ракеты «Томагавк» – а их у подполковника не было. Не было у него и тяжелых бомбардировщиков, чтобы нести сразу большое количество средств поражения. Но суть была примерно та же.

В этом случае американцы сделали то, чего никогда и никто не делал. Они нащупали слабое звено в иракской системе ПВО – станцию боевого управления, находящуюся глубоко за линией фронта, – и нанесли по ней удар, используя вертолеты. Еще никто и никогда не использовал для подавления ПВО ударные вертолеты – а они использовали. Удар наносили AH-64 Apache, тогда еще они были дневные, не способные действовать ночью, поэтому двум группам вертолетов в качестве поводырей придали огромные MH53 Pave Low – единственные на тот момент вертолеты ВВС США, способные летать ночью и в режиме следования местности, – у них почти вся аэронавигационная начинка была от самолетов, а не от вертолетов. Pave Low ночью вывели четыре Апача на станцию, а те огнем тридцатимиллиметровых пушек и пусками ракет ее уничтожили. После чего вся группа без потерь вернулась на базу.

С тех пор прошло немало времени – и у Израиля сейчас на вооружении было достаточно вертолетов, которые могли применяться в ночных условиях. MH-60H Ястреб для Израиля был специально переделан фирмой «Сикорский» в боевой вертолет, способный нести восемь ракет ПТУР и с тридцатимиллиметровой пушкой под фюзеляжем – этакий гибрид Ястреба, Апача и русского Ми-24 Хайнд. Более того – все израильские Ястребы были способны нести новые ПРП типа Deliah с дальностью действия сто пятьдесят километров. Была эскадрилья H-53 ста-

рых – но модернизированных до стандарта Ясур-2010 и способных совершать полеты в любых условиях. Были Апачи, часть из них тоже прошла модернизацию до стандарта Longbow Apache Block 3 – эти машины были способны осуществить одновременный пуск шестнадцати управляемых ракет по шестнадцати разным целям! Были старенькие Кобры – подполковник Эгец не был уверен – но ему казалось, что их не модернизировали. Много было всего, но полковник не мог решить в уме одну задачу – как это все хозяйство скрытно доставить к цели? Ни Апач, ни Кобра не имели системы дозаправки в воздухе. Ясуры и Ястребы их имели, но надо было вывести над Персидским заливом еще и дозаправщик типа С-130. А это опять проблемы, и немалые. К тому же Ясур не будет нужен, он слишком большой и не несет нужного количества вооружения, это чисто транспортная машина. А Ястребов в нужной комплектации у них есть не так уж и много.

Все. Больше вспомнить и взять за пример нечего. Русские вообще таких операций не проводили. Вьетнам – устарело, к тому же американцы предпочитали использовать тяжелые бомбардировщики. Да и из этих примеров не так уж и много можно почерпнуть – большинство придется разрабатывать с нуля.

Закончив с историей и исписав несколько страниц в блокноте, подполковник взял карту Ирана, составленную на основе снимков из космоса, и начал ее «поднимать». Он сверился со списком объектов для удара и один за другим нанес их на карту. Потом начал перелопачивать спутниковые снимки объектов удара: вооружившись лупой, он отыскивал на них признаки наличия систем ПВО, перечитывал разведсводки и наносил все известные системы противовоздушного прикрытия на карту. Все это он делал не по старинке, а в компьютере, потому что, поднимая карту вручную, ты затратишь куда больше времени, а результат будет куда хуже. Карта в компьютере была не двухплоскостной, а новейшей трехмерной, что значительно облегчало жизнь комэску эскадрильи истребителей-бомбардировщиков, способных наносить удар с низких высот, прячась в складках местности. Потом он нанес разноцветными кругами радиусы поражения различных средств ПВО и радиусы действия перехватчиков ПВО с основных аэродромов в районе цели. Не забыл он и про специфику работы локаторных станций – с помощью специальной программы он оценил возможность искажения данных поисковых локаторов за счет складок местности, наличие мертвых зон для локатора и формирования ложных эхо. На эту работу он истратил день и еще полдня, а выполнив, пришел в совершеннейшее уныние.

Атака в лоб исключалась полностью. Теперь подполковник Эгец понял, почему сами американцы до сих пор не нанесли удар, опираясь на прекрасные позиции в зоне Персидского залива, на авианосную авиацию, первоклассные аэродромы в Ираке, Саудовской Аравии и ОАЭ. На побережье была выстроена мощнейшая система ПВО, не уступающая по своим боевым возможностям той, с которой они столкнулись в Феде, а во многом – и превосходящая ее. Подполковник Эгец трезво оценивал ситуацию с разгромом Феде в восемьдесят втором и понимал, что русские поставили Сирии откровенный хлам, те же С-75, еще действовавшие в небе Вьетнама, немобильные и устаревшие. Только поэтому и из-за откровенно низкой дисциплины сирийских зенитчиков им удалось сделать то, что они сделали. Теперь ему предстояло иметь дело как минимум с одним дивизионом С-300 ПМУ-2 в Бушере, являющимся краеугольным камнем оборонительной группировки. И еще одним – в тегеранской зоне. Поскольку Бушер строят русские – на той стороне, за пультом радиолокатора, тоже могут оказаться русские. Тогда кто-то из его эскадрильи точно не вернется домой.

Побережье Персидского залива как нельзя хуже подходило для атаки истребителей-бомбардировщиков. Сама местность на побережье в основном плоская, идеально подходящая для использования локаторов ПВО, нет складок местности, за которыми они могли бы укрыться при подходе в зону удара. За побережьем идут горы Загрос – но в том-то и дело, что за побережьем, а им придется сражаться еще на подходе к ним. Локатор батальона С-300, действующего из Бушера, захватывает примерно шестьдесят процентов территории Персидского залива. Тут

же, на побережье – плотная сеть аэродромов, на которых базируется авиация ПВО, с Мехрабада взлетит один из АВАКСов. У него же возможности маневрирования и какого-либо противодействия угрозам как ракетным системам ПВО, так и авиации ПВО будут ограничены.

Лично он, будучи на месте офицера-планировщика ВВС США, построил бы операцию в два основных этапа. Первый – поднявшиеся с баз в США бомбардировщики типа Б-2, он бы задействовал одновременно не менее десяти машин, совершают перелет через океан, дозаправляясь от заправщиков, базирующихся... к примеру на Рамштайн, возможно, и на Акротири. Пользуясь своей малозаметностью, они проходят над южной Европой и наносят удар дальнобойными крылатыми ракетами по основным целям, стараясь не заходить в зону действия ПВО Ирана. Отбомбившись, они уходят... к примеру на Диего-Гарсия для обеспечения возможности повторного удара в случае, если первый не достигнет цели. Можно отправить их через Тихий океан обратно в Барксдейл или в Оффут, дозаправив над Диего-Гарсией или над Японией – получится кругосветный перелет, американцы уже отрабатывали такие действия тяжелобомбардировочной авиации. В это же время на Иран обрушивается уже вторая волна тактических и корабельных истребителей-бомбардировщиков, взлетающих с авианосцев, находящихся в распоряжении Шестого флота, с баз Баграм в Афганистане, Инжирлик в Турции и нескольких баз в Ираке. Их задача – массированным применением высокоточного и противорадиолокационного оружия окончательно добить систему ПВО Ирана, вывести из строя взлетно-посадочные полосы и сами самолеты в ангарах, а также в воздушных боях окончательно сбить те, которые сумеют взлететь. После чего, уже не спеша, добиваются остальные силы противника, бомбится все, что шевелится. По соотношению эффективность/стоимость Эгец выбрал бы для третьего, завершающего этапа кампании стратегические бомбардировщики Б-52, старых, но надежных монстров холодной войны. Они могут действовать с Диего-Гарсия, нужно только доставить туда хороший запас бомб и авиационного топлива. Они могут использовать дешевые бомбы свободного падения, сбрасывая их с большой высоты. Б-52 идет на большой высоте, берет значительную бомбовую нагрузку, а его турбореактивные двигатели потребляют намного меньше топлива и намного медленнее изнашиваются. Будь у Израиля хотя бы несколько Б-52 – подполковник поставил бы на них вместо восьми устаревших моторов четыре современных GE от гражданских лайнеров «Боинг» и добился бы просто фантастического соотношения стоимость/эффективность. Он не понимал, почему американцы до сих пор не сделали это.

И, естественно, подполковник Эгец прикрыл бы эту островную, очень удобно расположенную базу тяжелобомбардировочной авиации флотом и силами военно-морского спецназа. У Ирана есть скоростные малозаметные катера, есть и боевые пловцы – одному Аллаху ведомо, что произойдет, если они сумеют проникнуть на эту базу и заминировать или обстрелять ее.

Но беда была в том, что у подполковника не было в распоряжении ни Б-2, ни Б-52, ни островной базы Диего-Гарсия, ни аэродромов в Ираке, Саудовской Аравии или ОАЭ. Ему предстоит решать задачу, исходя из тех не самых больших возможностей, которые есть у его маленькой страны. Несколько эскадрилий тактических истребителей-бомбардировщиков типа F-15I и F-16I – вот и все, что было в его распоряжении. И ни одной зарубежной базы, ни одного аэродрома подскока, ни одного авианосца. Ничего.

Подполковник думал несколько часов, просчитал несколько маршрутов подхода и наотрез отказался от идеи лобовой атаки. Так он просто положит своих людей и ничего не добьется.

Тогда подполковник переключился на запасной вариант – который с самого начала показался ему более перспективным.

Горы...

Если заходить над территорией Азербайджана, то там сразу на границе начинаются горные хребты, там же находится вторая по высоте точка Ирана – гора Сабалан. Побережье Каспия

отделяет от остального Ирана цепь гор – горный хребет Эльбрус, там же находится самая высокая точка Ирана – гора Даваманд, пять тысяч шестьсот семьдесят один метр. Этими горами прикрыт Тегеран, одна из главных целей удара, но прикрытым он кажется только на вид. На самом деле истребители-бомбардировщики могут, прячась в складках местности, внезапно появиться прямо над городом, нанести удар и нырнуть обратно под прикрытие горных хребтов. Но для этого им придется преодолеть узел ПВО на побережье Каспия, а он не такой уж и слабый – после пятидневной войны России с Грузией иранцы усилили здесь оборону. А вот в районе азербайджано-иранской границы остался неприкрытым очень узкий лаз. Вот им-то и надо воспользоваться основной ударной группе самолетов. Даже если здесь их встретит противодействие – за счет сконцентрированного удара на узком участке они гарантированно проломают систему ПВО числом, она просто захлебнется здесь.

Одна проблема вроде как решена. Теперь надо решать остальные – прежде всего нужно рассчитать силы и средства и боевую загрузку самолета.

F-15I – это самый тяжелый истребитель-бомбардировщик в мире, он может нести до одиннадцати тонн боевой нагрузки: столько во времена Второй мировой не брал на борт самый тяжелый бомбардировщик. Эту боевую нагрузку он способен доставить на скорости около двух скоростей звука на дальности примерно тысяча четыреста – тысяча шестьсот километров и вернуться назад. Если бы у него был выбор – подполковник предпочел бы иметь в ударной группе хотя бы пару стратегических бомбардировщиков. Но их не было. F-15I – лучшее, что у него было.

Теперь средства поражения. Ограничение, наложенное на него генерал-майором Ядлином – нанести максимальный ущерб за один удар, было очень серьезным, потребуются применить все, что у них есть. Нужно будет сконцентрировать для удара все F-15I и F-16I, какие имеются у государства Израиль и способны нести сверхсовременные, высокоточные средства поражения. Подполковник отчетливо осознавал, что в случае, если операция провалится, а они не вернутся на базу – Израиль останется беззащитным перед многократно превосходящим его по численности противниками, и противники не преминут воспользоваться этим. Накинутся, как стая шакалов на раненого льва, и добьют. Фактически в операции «Гнев Господа» на карте стояла судьба всего государства Израиль, всего того, что умный и трудолюбивый народ добился за семьдесят лет на крошечном клочке не слишком плодородной земли на берегу Средиземного моря. Но и закрывать глаза на происходящее нельзя – Иран уже владеет как ядерным оружием, так и межконтинентальными баллистическими ракетами – средствами его доставки. По данным разведки, Иран провел успешные испытания баллистической ракеты типа «Сафир-1» с дальностью действия пять тысяч километров и готовился к испытаниям новой, трехступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты типа «Сафир-3». Это были совместные ирано-северокорейские разработки, и последняя из них могла доставить ядерный заряд мощностью до ста килотонн на территорию США. Если это не остановить – Иран будет держать под прицелом весь мир и диктовать ему свои условия. Тут важно не то, сколько у тебя ракет, а то – готов ли ты нажать на кнопку и отправиться в ад вместе с остальным миром. США не были готовы, и Россия тоже не была готова. И Китай тоже особо к этому не стремился – зачем, если они уже обгоняют США. А вот Иран мог это сделать, и значит, он был сильнее их. А у Израиля просто нет другого выбора. Если они не сделают это – рано или поздно их страны не станет.

Допустим, они идут на прорыв плотной стаей, несколько эскадрилий сразу – все, что есть. Над местом прорыва они могут завоевать господство в воздухе, это факт. Но что делать дальше? Развивать успех по направлениям, расходящимся по всей территории страны? То есть дробить силы? Это плохо – вместо удара кулаком получится удар растопыренными пальцами. Одно дело – плотный строй ударной группы, прикрытый истребителями, совсем другое – раз-

битые на эскадрильи и даже на отдельные группы²² самолеты, прорывающиеся к своим целям. Не всех смогут прикрыть истребители – истребителей вообще будет мало, потому что Израиль никогда не закупал чистые истребители, он старался иметь в своем самолетном парке машины, способные выполнять как истребительные, так и ударные задачи, в отличие от русских или американцев, они никогда не могли себе позволить иметь специализированные машины. Значит, каждый самолет, переоборудованный под истребительную задачу, – это самолет, оторванный от бомбардировочной задачи, который уже не сможет нести бомбовую нагрузку, средства поражения типа «воздух – поверхность». Это снижение силы удара, а сила удара – это одно из их преимуществ. Страшно подумать, что будет, если одна из ракетных установок уцелеет и иранцы выпустят птичку в полет. Им просто некуда будет возвращаться.

Где там их основная ракетная база? Ага, Тебриз – к нему еще надо будет вернуться. Если с гарантией не уничтожим Тебриз и все, что там есть, – произойдет страшное.

Средства поражения. Средства поражения...

Задача выбрать средства поражения тоже была не такой простой, как казалось. С самого начала в распоряжении подполковника был весь спектр современного вооружения «воздух – поверхность». Он включал в себя обычные свободнопадающие бомбы, управляемые авиабомбы, планирующие управляемые авиабомбы, управляемые ракеты типа «воздух – поверхность», кассетные боеприпасы, противорадиолокационные ракеты и, наконец – крылатые ракеты. Все эти средства поражения имели совершенно разные технические характеристики, накладывали на пилотов разные ограничения по условиям применения, требовали разного сопровождения при применении, имели разную эффективность и разную дальность поражения. Подполковнику нужно было скомплектовать боевую нагрузку для эскадрильи так, чтобы она могла нанести удар по всем целям одновременно, не выходя за пределы северного Ирана, и с рубежей пуска, не слишком далеко отстоящих от границы. Бей – и беги, вот что предстояло им сделать. Бей – и беги...

Но сначала – нужно изучить цели.

Первая цель, которую он взял и попытался спланировать ее поражение, – это Тегеран, столица Ирана. Там находятся крупные исследовательские центры, там находится исследовательский реактор, Тегеран сильно прикрыт ПВО и ВВС, базирующимися в Мехрабаде. Также эта группировка ВВС-ПВО прикрывает целое созвездие целей, расположенных в окрестностях Тегерана.

Все имеющиеся у них зенитно-ракетные комплексы типа SA-5 Gammon иранцы расположили вокруг Тегерана. При дальности поражения двести пятьдесят километров и тридцатикилометровой досягаемости по высоте у них теоретически образовывалась сплошная зона перекрытия, включавшая в себя весь берег Каспия и их лаз, тот самый лаз, который подполковник Эгец запланировал для своих боевых групп. Пересекая границу, они оказывались в зоне поражения одной из пяти батарей Гамона, выходя на рубеж пуска, они оказывались в зоне поражения уже трех зенитно-ракетных дивизионов. По этой же причине совершенно исключалось использование всех видов авиационных бомб, они просто не смогут набрать высоту, достаточную для сброса этих бомб. Если они хотят остаться в живых – им надо прижиматься к земле. И в то же время – ни один из типов вооружения не может доставить к цели столько взрывчатки, сколько управляемая планирующая авиационная бомба. В ракете большую часть веса составляет двигатель и запас топлива, боеголовка же занимает в общем весе незначительную часть. А в авиационной бомбе, считай, весь ее вес – это оболочка и взрывчатое вещество. Если они сделают ставку только на ракеты, то тем самым они снизят силу удара, причем в разы. Значительная часть стратегических военных объектов Ирана заглублена в землю – для поражения таких целей нужно использовать либо проникающие авиабомбы, либо крылатые ракеты

²² Американцы называют такие группы – task force – то есть группы под конкретную задачу.

типа «Томагавк». Крылатых ракет типа «Томагавк» у Израиля нет, имеющиеся ракеты типа «Иерихон-3» до Тебриза не дотянутся и нужную боевую нагрузку не доставят, авиационных носителей крылатых ракет у Израиля тоже нет. Значит – иного пути, кроме как использовать высокоточные проникающие авиабомбы, у него нет. Но если он их использует – иранцы срежут его из своих Гамонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.